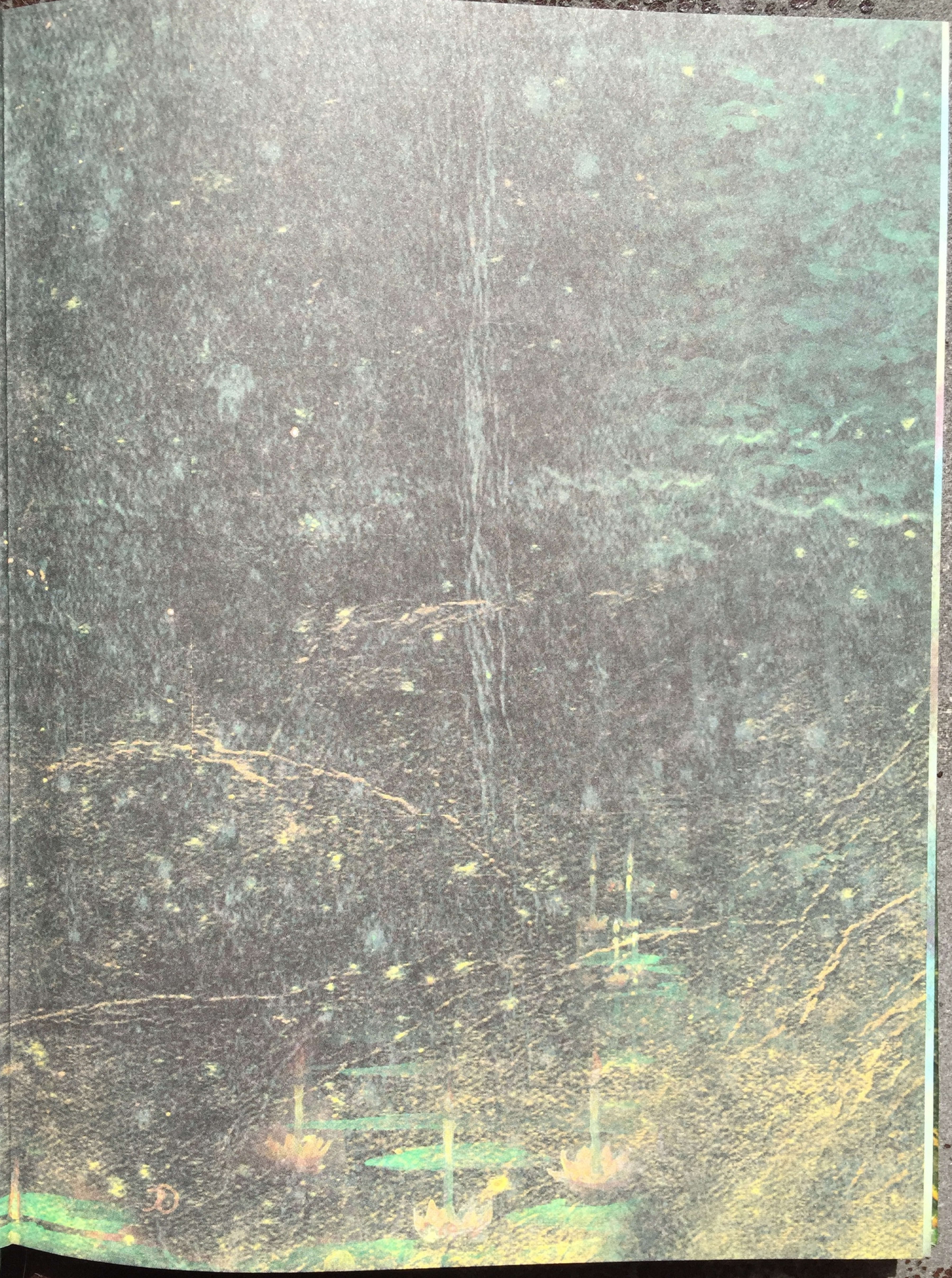
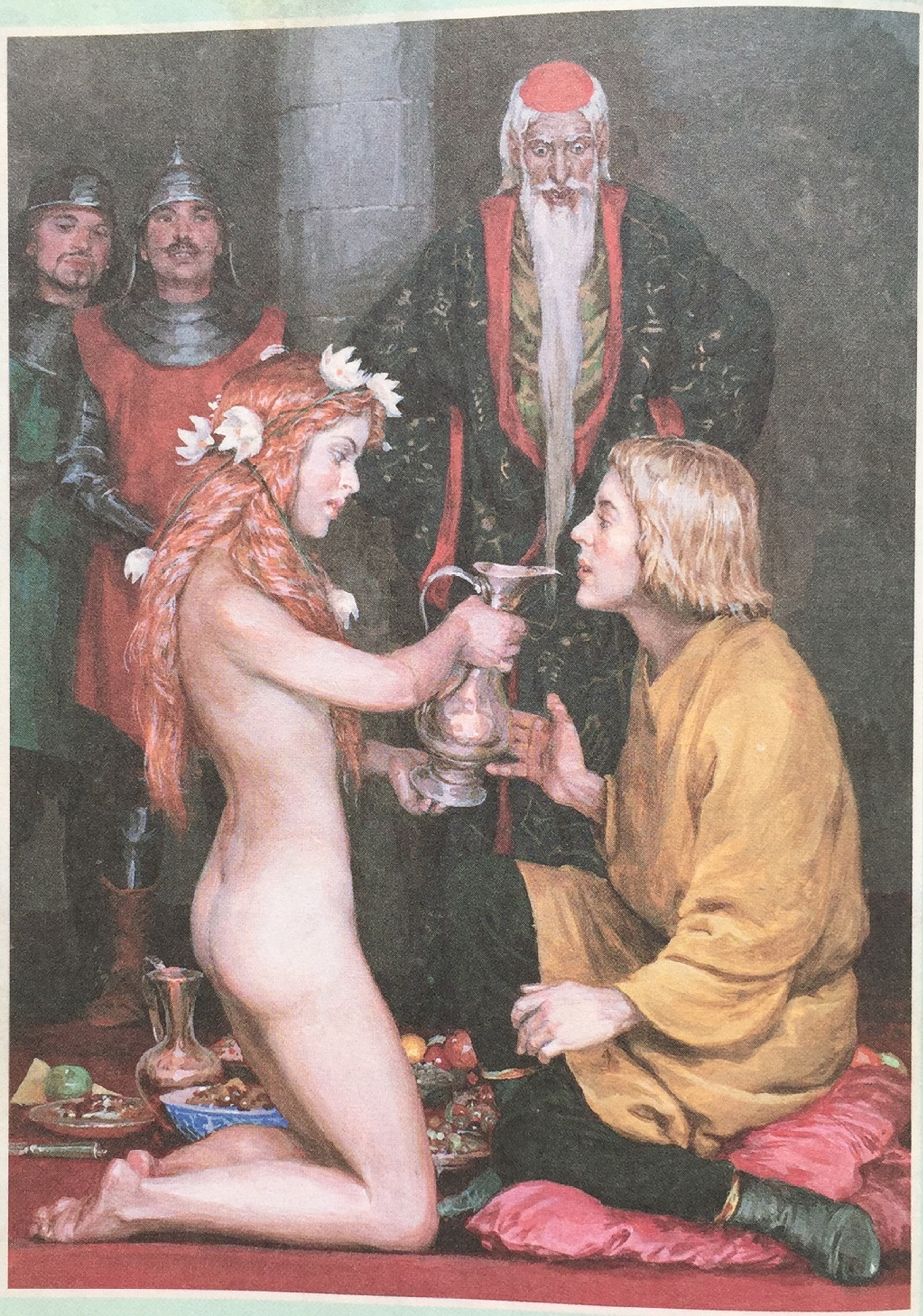
Ролан Быков

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА



ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА



Иллюстрации Дениса Гордеева

Ролан Быков

Заколдованная принцесса

«Планета детства»

Случилось это в стародавние времена. Болотный царь, прослышав о красоте, уме и благочестии египетской царевны, решил ее похитить. Он превратился в осьминога, попал в сети к бедным рыбакам, которые торговали в Египте, и вместе с рыбным уловом попал на каирский базар. Царь знал, что готовится свадьба египетской царевны с султаном соседнего царства, и по обычаю невеста должна сама выбрать и купить свадебные украшения, чтобы жених мог оценить ее вкус и понять, может ли она правильно распоряжаться деньгами. Болотный царь жаждал своими глазами увидеть девушку-легенду, но закон запрещал смотреть на нее, за ослушание рубили голову. Когда рабы проносили юную царевну в паланкине мимо рыбных рядов, он взглянул на прекрасную девушку и воспылал великой страстью.

– Оно смотрит на меня! – в ужасе закричала юная царевна.

– Кто? Где? – всполошились слуги, охранявшие ее.

– Это чудовище! Оно смотрит!

И действительно – глаз гигантского осьминога горел зеленым огнем, а его щупальца тянулись к юной царевне. Свирепая стража схватилась за оружие и бросилась на осьминога, но он перехватил занесенные над ним руки с мечами и копьями, поднял и ударил оземь одного, другого швырнул за торговые ряды, третьего схватил за ноги и, будто палицей, крушил им стражу направо и налево. Потом он повалил на землю вздыбившегося коня начальника стражи, дотянулся своими длинными страшными щупальцами до прекрасной девушки и поднял ее высоко над землей.

И тут черные крылья заслонили солнце – огромные птицы-змеи подхватили царя-осьминога с его добычей и улетели в открытое море.

Всю ночь летели они над бушующей стихией, поднимаясь все выше и выше, сквозь ливень и молнии. Египетская царевна потеряла сознание, а когда очнулась, увидела вокруг себя болото, ковер цветов и трав, сверкающих росой. Повсюду горели свечи, стоя в чашечках белых лилий, а на юной царевне сверкал белый свадебный наряд. Болотный царь был в золотых

одеждах. Он взял побледневшую девушку за руку и повел за собой в самую топь. Она покорно шла за своим повелителем. Царь погрузился с головой, а следом за ним ушла под воду, покрытую зеленой тиной, и египетская царевна.

Поднялся ветер, свечи погасли, и наступила ночь.

Прошло много лет.

Однажды весной в те края прилетели аисты.

— Аисты впервые над нашим домом, — смущаясь, сказала женщина своему мужу. — Может, это добрый знак и у нас, наконец, будет наследник?

Лицо у женщины было нежным и добрым, муж тоже был человеком незлобивым и весе-

лым. Это были небогатые король с королевой, детей у них не было, жили они в скромном замке, слыли весьма независимыми и пользовались глубоким почтением знатных соседей.

– Может, это и вправду добрый знак, – отозвался король. – Скучно жить без детей.

Услышав эти слова, аисты переглянулись и полетели на болото.

– Много лет назад, – сказал аист аистихе, – болотный царь похитил юную царевну Египта и у них недавно родилась дочь. Однако в ней заговорила кровь матери, и теперь она заявляет, что не желает жить в болоте.

– Вот бы отнести ее нашим одиноким хозяевам, – сказала аистиха.

– Как только стемнеет, мы увидим ее.

Аисты полетели над болотом и приземлились в зарослях. И когда исчез последний луч солнца, у них на глазах из травы показался прекрасный цветок. Он светился золотистым цветом и позванивал, как колокольчик.

– Это она, – сказала аистиха. – Боже, как она прекрасна!

Мудрый аист помолчал и промолвил со вздохом:

— Оставим ее здесь… Она вырастет слишком красивой — это может принести большие несчастья.

— Перестань! Где нет печали — нет и радости!

Когда король с королевой заснули, аисты проникли в королевскую спальню и поставили цветок в вазу у изголовья их ложа. Прошла ночь и чудесный цветок превратился в прелестную девочку с золотыми волосами.

Как это произошло, никто не заметил, потому что в предрассветный час, в те неуловимые мгновения, когда ночь заканчивается, а утро еще не наступило, случаются самые удивительные события и то, что бывает лишь в сказках, происходит на самом деле.

Девочка была так ослепительно красива, что, глядя на нее, приходилось щуриться, будто смотришь на солнце. Король с королевой были счастливы, они назвали ее Дионеллой и ходили за ней буквально по пятам.

Но в первую же ночь девочка исчезла.

Родители были в отчаяньи, всю ночь они искали ее и, не найдя, плакали, обняв друг друга. Однако уже на следующее утро они обнаружили

ее на лужайке у дома, поющую и веселую.

– Мама, – сказала девочка. – Я хочу любить!

– Но тебе еще рано, – сказала смущенная королева.

– Надо немного подрасти, – сказал король.

– Сколько надо ждать? – серьезно спросила Дионелла.

– Годы проходят быстро, – ответила королева.

– Го-о-оды? – ужаснулась девочка. – Ни за что! Завтра же я вырасту.

Она снова пропала на ночь, а ранним утром явилась прекрасной юной девушкой. При этом она была так хороша, нежна и обаятельна, что счастью родителей не было предела.

Той же весной Дионелла была объявлена невестой. Со

всех сторон посыпались предложения руки и сердца от самых прекрасных и знатных юношей. Однако гордая красавица поставила условие: кто посватается к ней, должен провести с ней один день, чтобы она могла испытать его и решить, достоин ли он стать ее мужем.

Со всеми женихами Дионелла была разной, но всегда искренней и внимательной. Она умела понять и оценить каждого, разглядеть его достоинства и показать свое одобрение. Иногда перед заходом солнца Дионелла едва слышно произносила томное «да» и могла даже позволить поцеловать себя. Но как только солнце клонилось к закату, она начинала издеваться над новым женихом, выказывая ему презрение и раскрывая перед ним все его недостатки и пороки. И самым ужасным было то, что она опять-таки говорила чистую правду, ибо в любом человеке всегда есть и хорошее и плохое. Она умела издеваться даже над достоинствами женихов и бывала в этом весьма убедительной:

– Ты так красив, – говорила она прекрасному юноше. – Хочется без конца любоваться тобой, но женщина ищет того, кто будет любоваться ею.

– Я выколю себе глаза, изрежу лицо, сделаюсь уродом! – в отчаянье говорил юный красавец.

– Уродом? – морщилась Дионелла. – Но урод, чтобы его любили, должен быть великим, а какой же великий может отказаться от своего предназначения ради женской юбки?

И было похоже, что отчаянье жениха весьма радовало невесту.

– Ты так добр, ты просто святой! – говорила она другому и, помолчав, добавляла: – Но святые должны быть мертвыми, иначе они требуют поклонения и становятся тиранами.

День за днем Дионелла наслаждалась столь притягательными для девического сердца занятиями: знакомством, невинной встречей глаз, случайным прикосновением рук, молчанием или беседой, полными особого, понятного только двоим смысла. Но вечером, перед тем, как исчезал последний луч солнца, она отказывала очередному жениху и даже могла потребовать, чтобы тот лишил себя жизни:

– Ты говорил, что любишь и не можешь жить без меня? Если ты не лгал – я буду ждать тебя

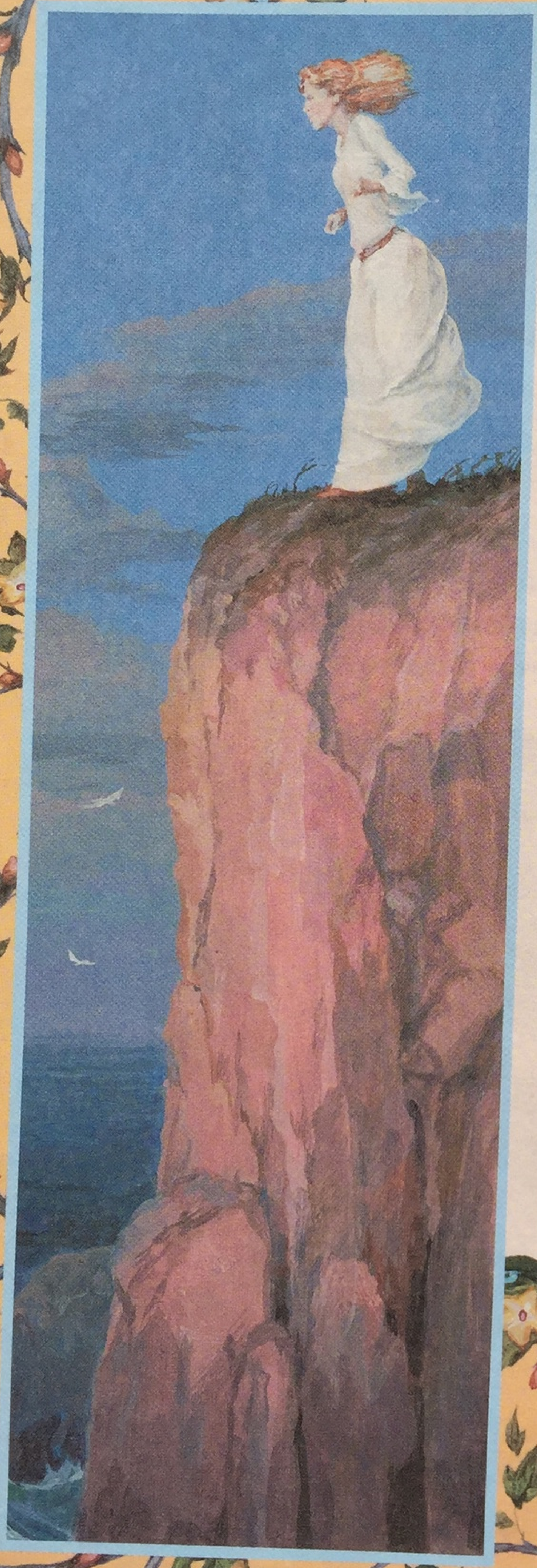
с первым лучом солнца – а ты вон с той скалы можешь кинуться в пучину. До утра, мой верный рыцарь! – шептала девушка, обливаясь слезами и награждая смятенного юношу соленым прощальным поцелуем.

И она приходила с первым лучом солнца.

И видела, как кидаются со скалы несчастные влюбленные.

И многим прекрасным молодым людям день, проведенный с нею, стоил жизни.

Когда кто-то из женихов отказывался лишить себя жизни и старался побыстрей уехать от



греха подальше, она веселилась и хохотала до слез. Когда же влюбленный юноша выполнял ее злую волю, златокудрая красавица, глядя на его гибель, мрачнела и задумывалась, по ее щеке сбегала быстрая слеза. Девушка в отчаянье бежала по берегу, сама готовая броситься в волны, но с последним лучом солнца она неизменно исчезала. И так каждую ночь.

Шли месяцы, и Дионелла никому не давала своего согласия на брак. Казалось, что она растет несносной и злой. Какая-то тайна окружала ее, но даже королева ничего не могла выведать у дочери и, сколько ни старалась, ни о чем не могла догадаться.

Однажды, оставшись наедине с Дионеллой, королева спросила:

– Куда ты пропадаешь ночью?

– Никогда не спрашивай меня об этом! – ответила девушка, и лицо ее исказилось, будто от боли.

Никто так и не узнал, куда она пропадает на ночь. Иногда видели, как перед заходом солнца девушка бежала в горы и исчезала в зарослях у ручья или среди камней. След ее неожиданно исчезал, и нигде не было никаких признаков ее пребывания. Никому не приходило в голову, что Дионелла чаще всего проводила ночь в само́м замке, в сторожевой башне. Тяжелые дубовые двери, ведущие в башню, всегда были заперты, и мало кто помнил, что в башню можно было попасть по лестнице, скрытой в двухметровых стенах старого замка. По этой лестнице защитники крепости могли спуститься в подземный ход, а по нему выйти далеко за пределы замка через старый заброшенный колодец или через каменный завал у ручья. Войны в этих местах давно закончились, о подземном ходе никто уже не вспоминал, а в сторожевой башне хозяева хранили лечебные травы и коренья. Через старые бойницы с верхней площадки открывался прекрасный вид

на окрестности. Из бойниц были сделаны узкие окна с цветными стеклами, отчего сторожевая башня потеряла свою суровость и стала уютной.

В каменном полу был небольшой бассейн, где на случай осады хранилась питьевая вода. Благодаря древней инженерной системе в бассейне постоянно была дождевая вода, всегда свежая и прохладная. Дионелла убрала каменные стены башни вьющимися растениями, в бассейне у нее росли белые кувшинки. Девичья постель стояла так, что первый солнечный луч падал прямо на изголовье.

Когда же угасал последний луч солнца, девушка оставалась на ночь одна. Крепко заперев все окна и двери, она начинала стонать и метаться:

– Пить! Пить! – шептала она и, припадая к воде, уже не могла остановиться. С каждым глотком она раздувалась, рот ее растягивался все больше. Прекрасные губы лопались и разрывались так, что кровь проступала на них. Кожа, сморщившись, становилась зелено-бурой и покрывалась слизью и бородавками. В конце концов красавица Дионелла превращалась в огромную отвратительную жабу.

Всю ночь она тяжко вздыхала и проливала слезы, а наутро, с первым солнечным лучом, снова превращалась в прекрасную девушку, блистающую редкой красотой и обаянием. И все началось заново: коварство, капризы и издевательства, особенно над теми, кто ее любил. Каждый вечер несчастная девушка отказывала новому жениху и ждала кошмара наступающей ночи.

Однажды к Дионелле приехал свататься очень знатный и благородный юноша. Он был единственным наследником престола богатого царства, и о нем шла слава как об отважном воине. Но,

к сожалению, наследник был не очень образован и несколько скован в общении. Нового жениха сопровождал юный раб, с которым молодой хозяин не расставался даже на свиданиях с Дионеллой, потому что не знал, что ему делать и о чем разговаривать с девушкой.

Втроем они прекрасно проводили время: молодой хозяин, а звали его Тур, проявлял ловкость, смелость и силу: ребром ладони мог расколоть скальный валун, а ударом головы ломал столетний дуб. Он, не задумываясь, мог перепрыгнуть через пропасть, и тогда раб легко перебрасывал Дионеллу, которую бережно ловил Тур, и сам прыгал вслед за нею. Юноши явно соперничали меж собой, не уступая ни в чем друг другу. Девушку это волновало, и каждый вечер испытание продлевалось еще на один день.

Юный раб был очень хорош собой и наделен не меньшей силой, чем его хозяин: однажды он голыми руками чуть не задушил леопарда, когда тот бросился на Дионеллу, и отпустил его только по просьбе девушки. А лассо он владел так, что с первой попытки мог набросить петлю на падающего с неба сокола. При этом он прекрасно

играл на лютне, пел и умел так вести беседу, что все трое чувствовали себя непринужденно и весело. Юноша говорил девушке приятные слова, сопровождая их язвительной иронией, отчего они становились изящными и не превращались в обычную мужскую лесть. При этом он не отрывал от Дионеллы ликующих глаз и с каждым днем воодушевлялся все больше.

Когда внимание юного раба стало слишком явным, Дионелла возмутилась и сочла себя оскорбленной. Этот ничтожный раб позволил себе влюбиться в нее? Он что, рассчитывает на ее руку и сердце? Такой откровенной наглости не прощают! Раб не смеет претендовать на трон! И она потребовала смерти юноши. Молодой хозяин отказался это сделать:

– Пусть он раб, но он мой друг.

Тур пообещал девушке, что раб никогда больше не взглянет на нее. И действительно юноша перестал замечать красавицу. Даже тогда, когда она, уйдя от них на довольно большое расстояние, пошла купаться в озере, представ во всей своей невинной красоте, юноша-раб не взглянул в ее сторону.

Тут уж Дионелла вознегодовала еще больше – она была просто вне себя от ярости. Как? Презренный раб посмел не взглянуть на ее красоту? Это ничтожество хочет показать, что пренебрегает ею? Не слишком ли много он смеет о себе думать? Она посчитала себя смертельно обиженной, оскорбленной, униженной и категорически потребовала его немедленной казни.

И вновь молодой хозяин отказался это сделать, хотя убрал юношу с глаз долой. Дионелла сделалась совсем безумной. Она решила сама расправиться с обидчиком. Позабыв обо всем на свете, она весь день его искала и, в конце концов, разузнала, что он спрятан в старом колодце. Это был тот самый заброшенный колодец, через который девушка каждую ночь пробиралась в сторожевую башню.

Не обращая внимания на то, что садилось солнце и почти не оставалось времени до ее ужасного превращения, Дионелла не совладала со своими чувствами и спустилась в колодец. Найдя там юношу, она сказала:

– Ты оскорбил меня. Ты должен умереть – и умрешь!

Но когда она достала спрятанный под накидкой кинжал и хотела уже нанести удар, погас последний луч солнца.

Кинжал выпал из рук.

– Пить! Пить! – заметалась Дионелла, она застонала и стала жадно пить воду из колодца.

– Не смотри! Не смотри! – кричала она, захлебываясь водой.

Юноша, не успев понять, о чем его просят, с ужасом наблюдал страшное превращение Дионеллы: как растягивались, трескались и рвались до крови ее девичьи губы, как морщилась и сжималась ее нежная кожа, покрываясь бородавками и буро-зеленой слизью, и как красавица становилась, в конце концов, отвратительной жабой.

Узнав ее тайну, юноша проникся к Дионелле такой жалостью и пониманием, что поклялся никогда в жизни не бросать ее.

– Я всегда буду служить тебе! – шептал юноша, утирая Дионелле горькие слезы.

Дионелла-жаба захотела поведать ему тайну своего заклятия, но из ее рта вместе с обрывками слов послышалось лишь отвратительное кваканье.

– Укради, унеси меня! – единственное, что можно было разобрать из того, что она пыталась выговорить. – Это заклятие… я ушла… Ква-ааа… аааа…

Горькие слезы катились из ее глаз.

Не теряя времени, юноша взял на конюшне двух коней, своего и хозяйского, спрятал Дионеллу-жабу в мешок и поскакал в горы.

Сверкали молнии, гремел гром и лил дождь. Всю ночь скакал он, искусно ведя за собой хозяйского жеребца, чудом удерживая коней над пропастью. К рассвету они были уже далеко. С первым лучом солнца Дионелла забилась в мешке и стала кричать:

– Зачем ты посадил меня в этот грязный мешок, проклятый раб?

Разорвав мешок, красавица довольно ловко соорудила себе из него одежду и сказала, не скрывая ненависти:

– Ты все видел, презренный раб... Теперь я обязательно убью тебя.

Дионелла вскочила на коня и помчалась так, что юноша долго не мог догнать ее. Наконец, она неожиданно осадила резвого иноходца и спросила подоспевшего юношу:

– Как тебя зовут, раб?

Юноша помолчал и тихо ответил:

– Дион.

Девушка побледнела:

– Ты обманываешь меня.

– Клянусь, – ответил юноша и было видно, что он говорит правду.

– Дион и Дионелла, – задумчиво сказала девушка и рассмеялась. – Ты сентиментален и глуп! Но все равно я убью тебя. Дай только срок...

Сияло солнце. Дионелла безмятежно осмотрелась вокруг и сказала:

– Я голодна, раб.

Она соскочила с коня и улеглась на траву.

Дион расстелил коврик, разложил костер и достал отсыревшее от дождя огниво. Отложив его, Дион нашел под старым пнем пучок сухого мха и осторожно дотронулся до руки Дионеллы, лежавшей с закрытыми глазами. Ресницы у девушки слегка дрогнули, лицо осталось безучастным, только едва заметный румянец проступил на щеках. Она открыла глаза и увидела: Дион держал ее руку так, чтобы луч солнца прошел через алмаз в кольце, надетом на ее мизинце. Пламенная точка зажгла мох, и языки пламени весело забегали среди сучьев.

Дионелла резко села и стала смотреть на огонь.

На коврике появились фрукты, лепешки и сухой сыр.

Дионелла не двигалась, пламя костра отражалось в ее глазах, и казалось, что они тоже пылают огнем. Она протянула руку, взяла апельсин и вонзила в него белые жемчужные зубы. Сок апельсина брызнул на лицо, попал в глаза и, будто слезы, потек по щекам:

– Никогда больше не смей прикасаться ко

мне, раб! – крикнула Дионелла, вскочила в седло, хлестнула коня и пустила его галопом. Они мчались по горной долине, не останавливаясь ни на минуту.

Садилось солнце. Дион забеспокоился:

– Надо найти воду! – крикнул он.

Дионелла резко остановила коня и, переведя дух, со злобой взглянула на юношу:

– Я разгадала тебя, ничтожный... Ты хочешь еще раз полюбоваться, как раздувается и рвется мое тело, ты хочешь еще раз насладиться, увидев меня уродливой жабой, стонущей и проливающей слезы. И ты будешь снова утешать меня, упиваясь своим благородством! Ты больше не дождешься этого, мерзкий раб!

Сверкнуло отточенное лезвие кинжала, и Дионелла бросилась на юношу. Будь Дион не столь

мне, раб! – крикнула Дионелла, вскочила в седло, хлестнула коня и пустила его галопом. Они мчались по горной долине, не останавливаясь ни на минуту.

Садилось солнце. Дион забеспокоился:

– Надо найти воду! – крикнул он.

Дионелла резко остановила коня и, переведя дух, со злобой взглянула на юношу:

– Я разгадала тебя, ничтожный... Ты хочешь еще раз полюбоваться, как раздувается и рвется мое тело, ты хочешь еще раз насладиться, увидев меня уродливой жабой, стонущей и проливающей слезы. И ты будешь снова утешать меня, упиваясь своим благородством! Ты больше не дождешься этого, мерзкий раб!

Сверкнуло отточенное лезвие кинжала, и Дионелла бросилась на юношу. Будь Дион не столь

ловок, лежать бы ему мертвым в ту же минуту. Но он увернулся, выбил из ее руки кинжал, и они сцепились, как два врага.

Дионелла пустила в ход ногти, зубы, она рвала на нем волосы, одежду, стала душить, но как только погас последний луч солнца, тело ее ослабло, и она замерла.

– Воды! – жалобно попросила она.

Подняв ее на руки, Дион побежал в горы.

– Пить! Пить! – тело Дионеллы дрожало и изгибалось.

Вокруг высились только скалы, раскаленные за день. Сумерки сгущались быстро, и темнота обступила беглецов со всех сторон. Дион бережно нес Дионеллу на руках, пока не нашел пещеру, посреди которой бежал ручей.

Девушка уже не просила пить и не шевелилась, лицо ее было белым и казалось, что она умерла. Дион пригоршнями лил воду на лицо девушки. Но все безуспешно – жизнь не возвращалась к ней. Тогда он положил ее в ручей и стал держать под водой. Через несколько мгновений Дионелла открыла глаза и взглянула на юношу. Луна отражалась в ее зрачках. Этот взгляд из-

под воды со дна ручья потряс Диона. И не только тем, что он был полон муки и боли, – в нем была какая-то жуткая тайна. Дионелла открывала рот, будто рыба, и пила воду, глядя на Диона все тем же таинственным лунным взглядом. Глаза ее закрылись, и она замерла.

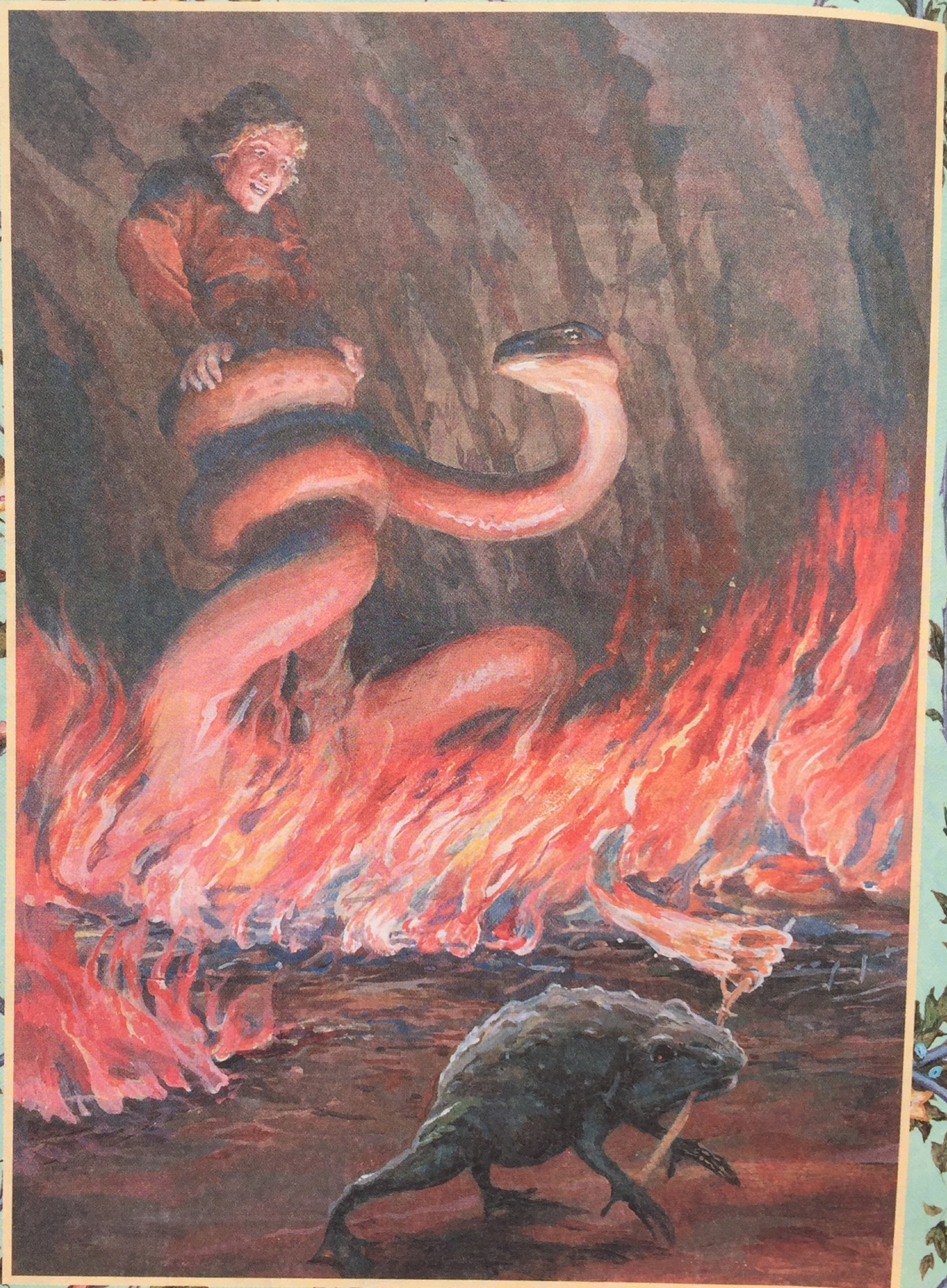
Дион забеспокоился и поднял ее со дна. Дионелла тут же вцепилась ему в волосы своими длинными пальцами и простонала:

– Не смотри! Не смей!..

Дион зажмурился и прижал ее руки к лицу. Потом юноша ощутил, как ее пальцы затянулись перепонками, беспомощные лягушечьи лапы скользнули по его лицу, он услышал горькие вздохи и открыл глаза: у ручья, бегущего посреди пещеры, сидела и смотрела на него Дионелла-жаба. Из ее глаз катились слезы.

– Я освобожу тебя от заклятия! – сказал Дион. – Даже если для этого потребуется моя жизнь!.. Клянусь!

Дион соорудил факел, собрал сухой мох, высек просохшим огнивом искру и зажег огонь. Отразившись в ручье, огненные сполохи осветили пещеру. В тот же миг земля вдруг зашевелилась и



со всех сторон послышалось мерзкое и злобное шипение – пещера оказалась полна отвратительных змей, которые окружали беглецов. Извиваясь и хищно открывая пасти, они выбрасывали наружу раздвоенные языки, полные яда. Дионелла-жаба в испуге прыгала на стены пещеры и все время сползала вниз. Дион бросился было на помощь, но упругое, мощное тело питона, хозяина пещеры, обвило юношу смертельными кольцами и стало душить.

Нелегко пришлось храброму Диону, он напряг все мышцы, не давая питону задушить себя. Факел вывалился из его рук и упал прямо на клубок змей. Отвратительные гады поползли в разные стороны. И тогда Дионелла-жаба подхватила горящий факел своим огромным ртом и стала прыгать по пещере, разбрасывая искры.

Вспыхнула ветка, за ней другая, в пещере с треском загорелись сухие сучья и змеи быстро исчезли среди камней. Питон расслабил тело, и оно кольцами упало с Диона. Юноша поднял огромный камень, но взглянул в глаза Дионеллы-жабы и опустил его. Питон медленно и тяжело уполз прочь.

Дионелла-жаба смотрела, как Дион гасил разгоревшиеся сухие ветки, обжигая руки, ноги и лицо. Одежда на юноше в нескольких местах тлела и дымилась. Слезы градом катились из глаз Дионеллы. Дион выбился из сил, и когда под его ногами погас последний уголек, юноша рухнул на землю и тут же уснул.

В свете луны было видно, как по обожженному лицу Диона потекла вода. Дионелла-жаба перепончатыми лапами поливала из ручья лицо и тело юноши – ожоги покрывались мелкими пузырьками и на глазах исчезали. Лицо спящего Диона стало совсем юным. В ручье плавала луна, и в ее отблесках казалось, что на голове жабы серебристым жемчугом мерцает корона.

Первый луч солнца застал Диона еще спящим.

Поутру свежая и сияющая Дионелла возвратилась в пещеру с целой охапкой трав – зеленых, желтых и красных. У выхода из пещеры была собрана огромная куча сухого хвороста. Девушка присела у ручья над спящим Дионом и стала плести из трав тончайшие нити. Ее руки летали как птицы, свивая желтые, зеленые и красные травы в прочную тройную веревку.

– Долго спишь, раб, – сказала девушка, увидев, что Дион открыл глаза, и отвернулась.

Дион молча смотрел на девушку.

– Ты голоден?

Дион попытался подняться, но не смог – все его тело, словно паутиной, было опутано пряжей из трав. Дион с укором взглянул на девушку.

– Сам виноват, раб... Ты опять смотрел, ты опять все видел. Это подло, низко, гнусно, и я не могу тебе этого простить!.. Живым не дано знать мою тайну!

– Я не хотел... –начал было Дион.

– Врешь! – прервала Дионелла.

– Я же закрыл...

– Молчи, гнусный раб! – ничего не желая слу-

шать, гневно говорила красавица. – Ты вчера посмел дотронуться до моей руки, ты прикоснулся ко мне! Ты понимал, что рискуешь жизнью, но ради чего?.. Зажечь мох? Ты, идиот, посмел использовать меня как дрянное огни́во?

Дионелла смахнула с глаз злые слезы:

– Тебе больше никогда не удастся унизить меня, гнусный раб! Чтобы искупить свою подлость, ты умрешь в муках!..

Дионелла направила лучик солнца на пучок сухого мха через алмаз в кольце, как это делал накануне Дион, мох вспыхнул, хворост загорелся, и яркое пламя взметнулось под сводами пещеры.

– Можешь умолять! Можешь валяться в ногах, раб! – кричала Дионелла. – Я все равно не прощу тебя!

Дион молчал и смотрел на девушку.

– Ты сгоришь, несчастный раб! – продолжала кричать Дионелла.

Огонь становился все сильнее, вставал стеной, закрывая девушке выход из пещеры. Дион оставался по другую сторону огня, со стороны выхода, но не мог даже пошевелиться.

– Сейчас ты сгоришь! – кричала Дионелла, не

думая о смертельной опасности, грозившей ей самой.

Дион попытался разорвать тонкие травяные путы, но они были слишком прочны и лишь сильнее впивались в тело. Огонь подобрался совсем близко и полы плаща Диона вспыхнули.

– Несчастный, раб! – закричала Дионелла. – Потяни за красную нить!

Дион зубами рванул за красную нить и разом освободился от пут. Он оглянулся – из пещеры еще можно было выбраться, но Дионелла оставалась за чертой огня. Намочив свой плащ в ручье, Дион обмотал им голову и прыгнул через огонь туда, где, прижавшись к стене, стояла Дионелла. Глаза ее горели ненавистью:

– Ты опять хочешь доказать свое благородство, раб?

Не обращая внимания на ее слова, Дион поднял девушку на руки и собрался было вынести ее из огня, но увидел, что выхода уже не было – огонь вырвался за пределы пещеры и бушевал, распространяясь по склонам гор.

Дионелла спокойно лежала на руках Диона и задумчиво водила пальцами по его лицу.

– Мы сгорим вместе? – спросила она.

Дым плыл перед глазами. Дион проследил за ним взглядом:

– Смотри! – крикнул юноша. – Дым тянется в глубину пещеры… Там есть выход!

Он опустил девушку на землю, схватил ее за руку и потащил за собой.

Черные от копоти вылезли они из узкой щели в каменных завалах.

Коней на привязи уже не было – как видно, они испугались огня, охватившего весь склон горы, и ускакали. Ошалевшие от страха олени, лисы, медведи мчались прочь от пожара. Дым ел глаза и не давал дышать. Вдали открывалось море.

– Я не могу идти, – сказала Дионелла и опустилась на землю.

Дион снова поднял ее на руки и стал спускаться к морю. А она, притихшая и слабая, об-

вила его шею руками, закрыла глаза и не произносила ни звука.

Юноша остановился передохнуть и вдруг увидел вдали, за изгибом залива, всадников, мчавшихся вдоль берега.

– За нами погоня, – крикнул он. – Скорее всего это Тур!

Дионелла даже не пошевелилась. Дион спрятался за камень и стал наблюдать.

На пустынный берег набегали волны. В брызгах воды скакали черные на фоне заходящего солнца всадники. Впереди всех летел на коне Тур. Лицо его было словно высечено из камня, губы сжаты. Всадники мчались молча. Крупы лошадей лоснились от пота, с конских губ срывалась пена. Проскакав вдоль лагуны, всадники скрылись за поворотом…

Солнце садилось. Дион и Дионелла молча сидели на берегу горной речки, сбегавшей в море.

– Здесь есть маленький грот, там ты будешь в безопасности, а я достану нам еды и разведаю путь.

– Ты не бросишь меня?

– Никогда!

– Как ты собираешься освободить меня от заклятия?

Дион молчал.

– Ты сам не знаешь?

– Я верю в счастливый случай.

–Случай? –ужаснулась Дионелла. – А если он не придет?

Дион молчал.

– Ладно, делай, что хочешь, – устало сказала Дионелла, вошла в воду и скрылась среди камней.

Дион с тревогой смотрел ей вслед.

– Я жду тебя с первым лучом солнца! – донеслось из грота.

Светила луна. Дион бежал, не оглядываясь.

Он приближался к городу, над которым простиралось красное зарево. Городские ворота были распахнуты и сквозь них сновали пешие воины и конники, грохотали телеги, груженные добром.

Со всех сторон доносились крики и стоны побежденных, но пьяный хохот победителей заглушал плач несчастных. Накануне город был захвачен черными рыцарями и на трое суток

отдан на разграбление кочевникам, с помощью которых рыцари проводили осаду.

Шла третья ночь, самая страшная.

Черные рыцари связали правителя страны, посадили на осла задом наперед и с толпой смуглолицых кочевников возили его по улицам, всячески издеваясь над несчастным. Седой правитель переносил все это с достоинством и мужеством.

Пожалев старика, Дион влез на опрокинутую телегу и стал кричать:

– Сокровища! Сокровища! Во дворце нашли подвал – там горы золота!

– Золото! – закричали вокруг. – Золото!

– О-ооо!.. А-ээээ!..Ияйяаа!..

Все ринулись во дворец, забыв о седом правителе. Дион спрыгнул с телеги, развязал на несчастном веревки и потащил его по темным улочкам.

– Кто вы, благородный юноша? – спросил правитель.

– Это неважно, повелитель, спасайтесь.

– Если бы удалось пробраться на корабль! Там королева и мои дети. Они вот-вот должны отчалить. Наверно, ждут меня и обороняются.

– Да поможет вам счастливый случай! – грустно улыбнулся Дион и побежал по переулку.

Старик, запыхавшись, догнал Диона:

– Помогите, благородный юноша. Мне надо забрать сундук, в нем все мои сокровища – чужбина не любит нищих.

Дион нахмурился:

– Времени у меня до первого солнечного луча… Далеко ли сундук?

– Совсем рядом… Во дворе одного дома заросший пруд, на дне пруда подвал. Точно над ним лилии. Пруд неглубок. Под водой найдете кольцо. Это дверь в подвал. А выход по винтовой лестнице – там увидите.

Правитель показал дом, окруженный стеной, Дион взобрался на стену и спрыгнул в сад.

Берег пруда зарос высокой травой, а вода у берега была затянута тиной. Пруд был освещен светом луны и всполохами горящего города. Дион увидел лилии, вошел в воду, пошарил по дну и нащупал кольцо. Юноша сорвал лилии, чтобы не мешали, потянул за кольцо, оно легко поддалось, и Дион провалился в подвал вместе с хлынувшей в отверстие водой. Тут же дверца над головой захлопнулась и так плотно, что вода сверху даже не капала.

Дион поднялся – лилии остались у него в руках. Где-то в дальнем конце подвала виднелась узкая полоска света, да в углу что-то поблескивало. Дион ступал чуть слышно. Оказалось, что поблескивает серебряный сундук, а полоска света шла из-под двери, к которой вели ступеньки. Он взвалил сундук на плечо, поднялся по ступенькам, открыл дверь и обомлел – прямо перед собой он увидел огромного человека с наголо обритой головой. Глаза у него вылезали из орбит, вздувшийся, как шар, живот был подпоясан широким кожаным

ремнем, а над животом свисал большущий пульсирующий зоб, в котором тонуло бледное лицо, покрытое местами бурой слизью. Он ел сразу из нескольких мисок, с невероятной быстротой опорожняя их. Слезы лились по его лицу. Увидев в руках у Диона лилии, бритоголовый задрожал:

– Дай! – прохрипел он. – Дай хоть понюхать!

Дион протянул лилии. Бритоголовый понюхал, сразу обмяк и сказал, обливаясь слезами:

– Горе мне, неизвестный путник. Надо мною висит заклятие: я – жаба, но каждую ночь превращаюсь в человека! Голод терзает меня, но чем больше я ем – тем больше мне хочется. Мои детки бегут от меня – боятся, что я их съем! Я и сам боюсь этого. Когда превраща-

ешься в человека, ты способен на все! Понюхай лилии – они пахнут маленькими лягушатами...

Бритоголовый жадно засунул лилии в рот и стал жевать их, глядя на Диона виноватыми глазами, полными муки.

– Есть ли спасение от заклятия?

– Может быть, и есть. За морем живет царь-колдун, – ответил бритоголовый, не переставая жевать. – Но мне не добраться, убьют по дороге. Любой мальчишка норовит прибить жабу камнем. А ночью голод терзает меня: полночи я ворую еду, полночи ем...

– Буду у колдуна – спрошу о тебе! – на ходу крикнул Дион и быстро поднялся по винтовой лестнице, унося на плече сундук.

– Захочешь меня увидеть, подуй в стебель лилии. Я тут же явлюсь к тебе, где бы ты ни был! – донеслось вслед...

Седой правитель томился в ожидании. Дион спрыгнул со стены:

– Вот ваш сундук, – сказал он.

– Спаси вас Бог! Спаси вас Бог! – со слезами повторял седой правитель.

– У нас нет времени, – оглядываясь, сказал Дион. – Если я доставлю вас на корабль, обещаете выполнить две мои просьбы?

– Клянусь.

– Первая – мне может понадобится немного золота, вторая…

В темноте послышались тяжелые шаги.

– Я не могу рисковать своей жизнью, – тихо сказал юноша. – Она сейчас принадлежит не мне.

Дион быстро спрятал сундук в пустую бочку, валявшуюся у стены. В тот же миг из темноты выступил черный рыцарь в железной маске с белым султаном на голове.

– Нгыда-дза гульбу аз-тага? – спросил черный рыцарь гортанным голосом и поднял огромный меч.

Дион неожиданно бросил под ноги рыцаря бочку, в которой был сундук, и рыцарь растянулся. Он вскочил и бросился на Диона, но юноша тут же исчез в темноте, куда, грохоча и подпрыгивая, покатилась бочка. Рыцарь бросился в погоню, седой правитель последовал за ними.

В темноте слышались тяжелое дыхание, топот ног, лязг и грохот. Гортанный голос черного ры-

царя издал победный клич, на фоне горящего огнем неба молнией взвилось лассо, и все стихло.

Пушки парусника палили по берегу.

Кочевники и черные рыцари готовили лодки для захвата корабля, но ядра разбивали их в щепы.

Неожиданно из дыма и пламени возникла фигура черного рыцаря в железной маске с белым султаном на голове. Рядом с ним в накинутом на голову мешке стоял человек со связанными руками:

— Ату-нгу-ду-куарра мэй! — закричал рыцарь гортанным голосом.

— Куарра! — с восторгом отозвались черные рыцари.

— Эйя-я-яааа! — воинственно откликнулись кочевники.

— Нгуарра-дыгы куарра мэй-

дог! Ндиндо-ра майгур! – крикнул рыцарь с белым султаном.

– Ийяйя ду майгур! – дружно ответили воины.

Пушки с парусника продолжали палить, но черный рыцарь стоял как заговоренный. Кочевники перестали обращать внимание на ядра, подчиняясь властному голосу черного рыцаря, говорившего на их языке. В несколько секунд погрузили они на остроносую лодку бочонки с порохом.

– Атуя нгу ндрге тиго куарра! – крикнул черный рыцарь и сорвал мешок с головы стоящего рядом человека – под мешком оказался связанный седовласый правитель.

– Ийяй-яяааааа! – раздался радостный клич.

Черный рыцарь воткнул горящий факел в бочку с порохом, поднял ее над головой, столкнул старика в лодку и прыгнул вслед за ним. Десяток воинов подтолкнули ее, двое налегли на весла, и остроносая лодка стрелой полетела к паруснику.

– Геюнь гу-гу-гмэй! – крикнул рыцарь.

– Геюнь! Геюнь! Ияйяаа! – завопили кочевники и полезли в лодки. Черный рыцарь мчался к паруснику, высоко над головой держа пороховую бочку с торчащим в ней пылающим факелом.

– Стреляй, сынок, стреляй! – кричал правитель, но пушки на паруснике молчали – сын не мог стрелять в отца.

Факел в бочке с порохом разгорался.

За лодкой рыцаря, все прибавляя скорость, плыли с десяток быстрых лодчонок – воины запели песню смерти:

– Гу уй-юю а-э-э-э!

– Стреляй! Мне уже не поможешь! – кричал старик.

– Гуй-юю а-э-э-э! Гуй-юю а-а-э-э-э!

– А-ээээ! А-эээээ! Аа-ээээээ! – быстрые остроносые лодки кочевников мчались к паруснику, песня смерти слышалась все ближе.

– Огонь! – голосом полным отчаянья скомандовал седовласый правитель. – Отомсти за меня, сынок!

Пушки парусника выпалили разом – на корабле поднимали якорь.

Черный рыцарь поджег факелом фитили остальных бочонков с порохом. Фитили шипели, разгораясь и разбрасывая огонь.

– Нгеда тур-мейг! – коротко скомандовал рыцарь, гребцы послушно прыгнули в воду и по-

плыли к берегу. Лодка приближалась к паруснику со стороны кормы, прямо к поднимающейся якорной цепи.

Черный рыцарь, собрав все силы, забросил горящую бочку на парусник, и она покатилась по палубе. Следом он бросил конец веревки, к которой был привязан старик. После этого все три бочонка с порохом полетели за борт. Но оказалось, что летят они не в сторону корабля, а прямо на кочевников. Грохнули три взрыва. Взлетели на воздух вместе со столбами воды лодки кочевников. Их охватил ужас, захлебываясь в бурлящей воде, ничего не понимая, смуглолицые воины пытались добраться до берега.

Рыцарь в какой-то момент успел ухватиться за якорную цепь, влез на палубу и одним ударом

уложил сына правителя, бросившегося на него с мечом. Он помог жене и дочери втащить на борт связанного старика и кинулся к пылающей бочке с порохом, вокруг которой, ожидая взрыва, ничком лежала перепуганная команда.

Черный рыцарь перевернул бочку вверх дном и, убедившись, что огонь погас, бросил ее за борт. На палубе остался закопченный серебряный сундук.

– Я сказал, что не могу рисковать жизнью! – в сердцах сказал Дион, срывая с головы железную маску с белым султаном. Он зашвырнул ее далеко в море, крутанул штурвал, и корабль крутой дугой понесся по заливу в открытое море.

Команда, правитель, его жена, дочь и сын, постепенно приходившие в себя, смотрели на юношу и не могли сдержать своих чувств – они плакали и смеялись.

– Вы герой! Герой! – кричал седовласый правитель.

– Надо верить в счастливый случай! – серьезно сказал Дион. – Только бы успеть до первого луча солнца.

– Куда мы едем? – спросила Джоан, рыжеволосая дочь правителя, она смотрела только на Диона, и ее глаза пылали.

– К берегу! – ответил Дион.

Свита Тура во главе с молодым хозяином скакала вдоль моря. Тур осадил коня, сделал знак, и все остановились у ручья, который вытекал из грота.

– Напоите коней, – скомандовал Тур. – Да пройдите выше по ручью, там вода чище.

Воины пошли вверх по ручью.

Тур сел у костра и закрыл лицо руками. Вдруг он услышал, как зафыркали и заржали кони – они вставали на дыбы и не желали идти в ручей.

– Хозяин, кони боятся – там кто-то есть.

Тур вскочил, обнажил саблю, кинулся к ручью и скрылся в гроте. Воины, подняв факелы, последовали за ним. Это было именно то место, где Дион оставил Дионеллу.

– Если ты здесь, Дион, – крикнул Тур, – выходи!.. Мы сразимся с тобой, как равные.

Дионелла-жаба затаилась, слилась с камнями,

и Тур не заметил бы ее, но при его приближении она невольно шевельнулась, плеснула водой и обнаружила себя.

– Здесь прячется отвратительная жаба! – крикнул Тур и добавил: – Прибейте ее!

Воины Тура стали швырять в Дионеллу-жабу камни, она в панике металась по гроту, пытаясь укрыться, но все было напрасно – большой камень попал ей прямо в голову. Брызнула кровь, жаба перевернулась белым животом вверх и замерла. Волны мерно покачивали меж камней безжизненное тело.

Светало. Дул свежий ветер, но море было спокойным.

Тур приказал седлать коней. В этот момент из предутреннего марева возник парусник, от него отделилась лодка и поплыла к берегу. Тур и его воины спрятались.

Дион вышел на берег, и воины Тура мгновенно окружили его.

Тур и Дион смотрели друг на друга.

– Ты предал меня, – сказал Тур. – Есть ли у тебя слова оправдания?

– Я не предавал тебя, – спокойно ответил

Дион. – Но ни слова не могу сказать в свое оправдание.

– Ты мой раб, – жестко сказал Тур. – Я купил тебя за кошель золота и сделал своим другом. Ты предал друга.

– Вот тебе кошель золота, – ответил Дион, протянув Туру кожаный мешочек. – Ты сам обещал дать мне свободу и я не предавал тебя.

– Тогда объясни.

– Не могу – это тайна Дионеллы.

– Где она?

– И не могу сказать тебе.

– Тогда я убью тебя.

– Ну что же, прикажи своим бесстрашным воинам, и они легко справятся с безоружным.

– Дайте ему оружие, какое он пожелает, и ез-

жайте домой. Мы будем биться насмерть. Один на один. Кто останется жив, станет мужем Дионеллы.

Воины оставили меч, молча поклонились хозяину и поскакали прочь.

Тур поднял меч с земли, смерил со своим и, убедившись, что мечи одинаковы, бросил его Диону.

– Я не боюсь тебя, – сказал Дион, поймав меч. – Мы сразимся с тобой, но не сейчас. Сначала я выполню клятву, данную Дионелле. Поверь, ее жизнь в опасности. И я даже не могу обратиться к тебе за помощью. Когда все закончится, я найду тебя, и мы сразимся. Клянусь!

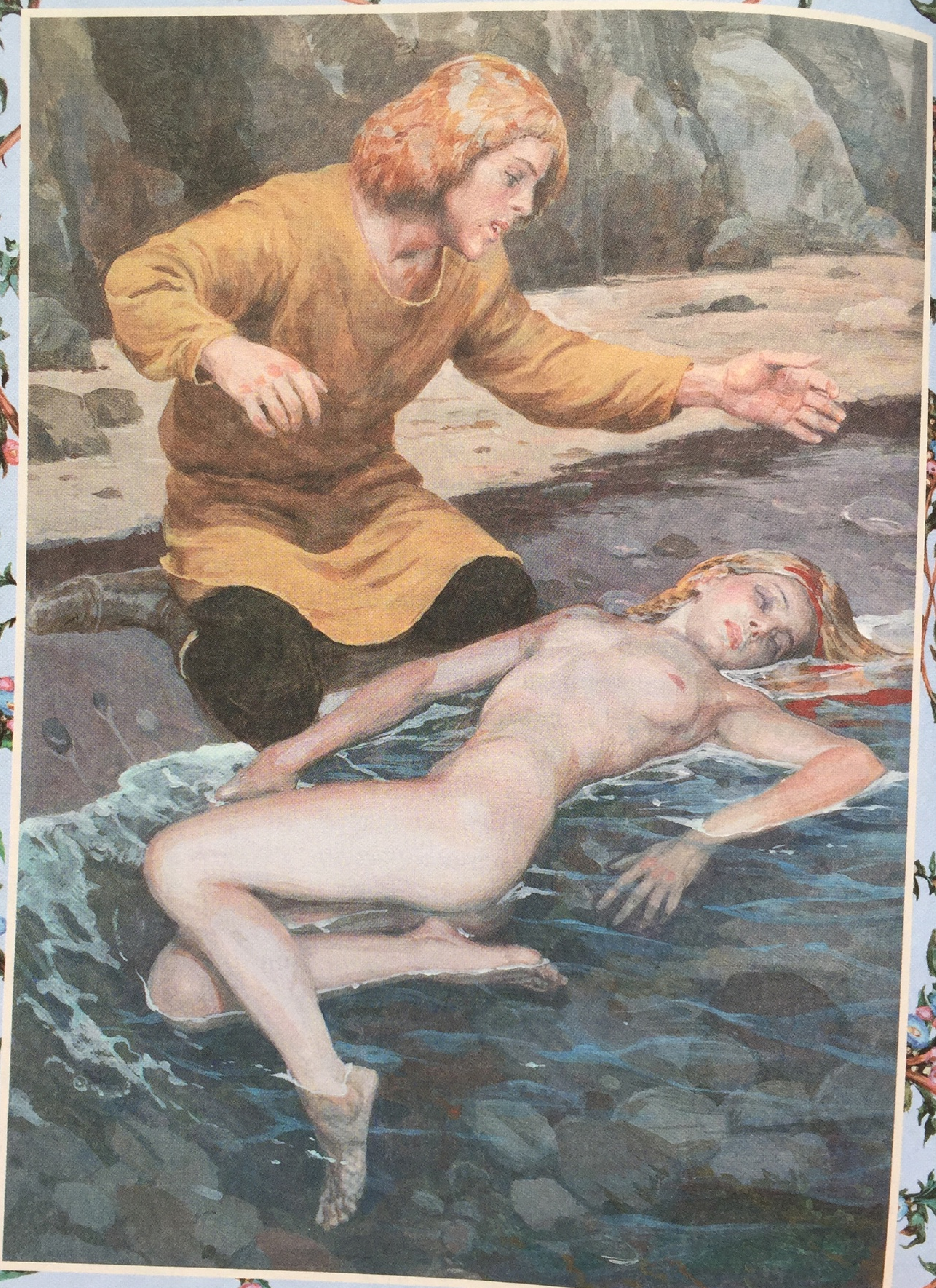
Сказав это, Дион положил меч на землю.

– Пусть рухнет мир, но я не могу не верить, когда так говорят! – сказал благородный Тур, поднял его на дыбы и вскочил на коня, поднял его на дыбы и помчался вслед за своими воинами.

С парусника раздался выстрел пушки. На палубе махали руками и знаками просили поторопиться.

Дион не обращал внимания.

– Дионелла! – тихо позвал юноша и вошел в грот.



Когда глаза Диона привыкли к сумраку, он с ужасом увидел покачивающееся между камней тело Дионеллы-жабы.

– Нет! – в отчаянье прошептал юноша.

Он двинулся к безжизненному телу и осторожно перевернул его. Из головы у жабы бежала кровь. Юноша вынес тело Дионеллы-жабы из грота и положил в воду у берега в тихой заводи.

И тут первый луч солнца упал на безжизненное тело. Дион замер. Впервые он увидел, как Дионелла из жабы превращается в прекрасную девушку: кожа жабы растягивалась, светлела и превращалась во что-то, похожее на большущий рыбий пузырь. Показалось, что через него просвечивается скелет, все время меняющий очертания, пузырь постепенно заполнился плотью, потом внезапно лопнул и исчез, обнажив бездыханную Дионеллу, слегка прикрытую водорослями. На голове у нее зияла рана, из которой медленно сочилась кровь, стекая в воду.

На корабле тревожно звонил колокол – юноша не слышал.

Потрясенный увиденным Дион вынес девушку на берег и укутал в плащ, слезы душили его.

– Я не уберег тебя! – горько сказал он. – Счастливая случайность вселила в меня надежду... Будь проклят Дион и умри! Прости меня, благородный Тур, я не приду на поединок.

Дион приставил к своей груди меч, но в это мгновение послышался вздох, и девушка, не открывая глаз, сказала:

– Слишком легко хочешь отделаться, раб... Я сама убью тебя!

Дион не двигался.

Дионелла открыла глаза:

– Что ты глазеешь на меня? Лучше приложи к моей ране вон те водоросли.

Дион быстро собрал водоросли и стал прикладывать их к ране на голове девушки.

– Кто тебя? – спросил он.

– Проклятый Тур. Его я тоже убью. Как же он глуп, должна я сказать. Но это тебя не касается. Лучше скажи, где ты пропадал? И что ты там лепетал о счастливой случайности? В чем она, неужто в том, что мне разбили голову?

С моря доносился звон колокола.

– Кто это там звонит? – Дионелла повернула голову к морю.

– Видишь этот корабль? – тихо спросил Дион. – Мы отправимся на Восток, и я освобожу тебя от заклятия.

Дион неожиданно смолк и закрыл лицо руками.

– Что с тобой? – испугалась Диона.

Она отняла от лица руки юноши – из его глаз градом лились слезы.

– Да поможет нам счастливый случай! – проговорил Дион.

Корабль плыл на Восток.

Никто ни о чем не расспрашивал Диона, хотя все на корабле умирали от любопытства.

Как только корабль вышел в открытое море, Дионелла подошла к юноше:

– Прими в дар, – торжественно сказала она, снимая кольцо со своего мизинца. – Ты спас меня.

Они плыли несколько суток. Правитель и вся его семья были в восторге от юноши и старались оказывать ему всяческие знаки внимания. А юная дочь правителя — ясноглазое рыжеволосое существо, полное очарования и детской непосредственности, — не скрывала своей влюбленности в юношу и ни на шаг не отходила от Диона. Она засыпала его вопросами и, не дожидаясь ответов, задавала новые:

— Откуда Дион-Красивый знает язык черных рыцарей?

— А зачем Диону-Великому царь-колдун? Это опасно?

— А хочет ли Дион-Прекрасный иметь детей?

— А любит ли Дион-Великолепный рыжий цвет волос?

— А не согласиться ли Дион-Благородный, Прекрасный и

Великий вместе с Джоан-Влюбленной однажды ночью полюбоваться луной?

– Фи, дочка, это неприлично, – сказала мать.

– Прилично! – весело отвечала дочь. – Это лгать неприлично, а я говорю правду.

– Но у господина Диона есть госпожа Дионелла.

– Что ты, мама, она ему совсем не подходит! – воскликнула Джоан с искренностью.

– По какой причине? – спросила Дионелла.

– По возрасту! – ответила Джоан. От убежденности у нее выступили слезы на глазах и ей пришлось закусить губу и улыбнуться. – Вам сколько лет?

– Семнадцать, – слегка сбитая с толку, ответила Дионелла.

– Вот видите, вы уже старая! – сияла Джоан.

– А тебе сколько? – спросила Дионелла.

– А мне пятнадцать!.. Два года – это очень много! Два года для любви – это вечность!

Мать обняла дочь за плечи, стараясь остановить ее:

– Но они созданы друг для друга: ведь их даже зовут Дион и Дионелла.

– Это слишком просто и сентиментально, – упрямо возразила Джоан. – Гораздо лучше звучит Джоан и Дион, верно?

Джоан обратилась прямо к сопернице, и Дионелла, приблизив свое лицо совсем близко к лицу рыжеволосой, тихо спросила:

– Хочешь, я откушу тебе нос?

– Нет, – ответила Джоан, помолчав. Она пожала плечами и, сдержавшись, сказала:

– Холодно, правда?.. Я пойду в каюту.

Но до каюты она не добежала и разрыдалась еще до того, как исчезла в дверях.

– Не обращай внимания, – говорил Дион. – Она ребенок.

– Я вовсе не обращаю на нее внимания, с чего ты взял? Просто я действительно откушу ей нос.

Дионелла сделалась мрачнее тучи, и Дион попытался отвлечь ее:

– Как твой новый воздыхатель?

Но это еще больше испортило Дионелле настроение – сын повелителя насмерть влюбился в нее, и это ее раздражало:

– Какой нудный, – сказала она Диону. – Он уж двадцать раз сказал, что отравится, и десять

раз, что повесится. В первом же порту куплю ему яд и веревку. Раньше такой жених быстро бросился бы у меня в море.

Дион молчал.

– А тебе не надоела эта рыжая карлица? – ревнуя, спросила Дионелла. –Поверь, я не ревную и не стану откусывать ей носа, я ее просто придушу.

Дион молчал.

– Ты понимаешь, что я каждую ночь там... в трюме?

– Осталось недолго.

– И что будет? Ты освободишь меня от заклятия? А дальше?

Дион молчал.

– Ты зачем хочешь сделать это? Чтобы из благодарности я стала твоей женой?

Дион продолжал молчать.

– А если я не люблю тебя?

– Тогда я уйду, и ты никогда больше обо мне не услышишь, –ответил Дион.

– Чего же ты не уходишь? – смеялась ему в лицо Дионелла. – Потом ты скажешь, что так влюблен, что не в силах уйти, и умрешь у меня на глазах.

– Может быть, и так, – сказал Дион.

– Не умрешь! Любая девица, да хоть эта рыжая карлица, сможет сделать с тобой все, что захочет – пара ласковых слов, лживая нежность рук – и ты останешься жить.

Дионелла вдруг остановилась и оглянулась:

– Нет, я все-таки откушу ей нос.

На палубе снова появилась Джоан. Следом шла черная рабыня с подносом, на котором стояли бокалы с вином.

– Давайте пить шампанское! – сказала Джоан как ни в чем не бывало.

На ее лице были видны следы слез, но глаза, устремленные на юношу, сияли.

– Дионелла должна отдохнуть, – ответил Дион, глядя с тревогой на заходящее солнце.

– Нет уж, мы выпьем! – сказала Дионелла.

Она подняла бокал и выпила его одним глотком. Потом с улыбкой она так же эффектно выпила один за другим все остальные.

– Несите еще! – хлопнула в ладоши Дионелла. – Катите бочку!

– Дионелла, идем! – Дион пытался взять ее за руку.

– Не прикасайся ко мне, раб.

– Раб? – ахнула Джоан.

– Да – это сбежавший раб! – сказала Дионелла, явно получая удовольствие, и обратилась к Диону. – Правда?

– Это правда? – спросил правитель.

– Правда, – ответил Дион.

– Как романтично! – воскликнула Джоан, всплеснув руками.

– Несите вино! – кричала Дионелла.

– Вина! – вторила Джоан, ни в чем не желая уступать сопернице.

Матросы катили бочонок.

– Солнце заходит, – шептал Дион.

Дионелла в упор смотрела на юношу – в ее глазах горел зеленый огонь, а на лице была написана отчаянная решимость.

Она зубами вырвала из бочонка деревянную пробку, сделала два больших глотка, и в это время погас последний луч солнца. Руки девушки опустились, и вино из бочонка полилось по палубе:

– Пить! Пить! – Диона приникла к бочонку.

– Не смотрите! – закричал Дион. – Уйдите! Покиньте палубу! Все!..

Но было поздно. Дионелла пила из бочонка, не останавливаясь. Она на глазах раздувалась. Растягивались и рвались до крови ее прекрасные губы, нежная кожа сжималась, покрывалась морщинами, бородавками и бурой слизью. У всех на глазах Дионелла превратилась в уродливую и страшную жабу.

Дион подошел к ней и хотел поднять, но она отпрыгнула и, квакая, поползла прямо к Джоан и прыгнула к ней на колени.

Джоан застыла от ужаса, а пьяная Дионелла-жаба все пыталась подпрыгнуть и схватить ее бородавчатыми губами за нос. Она срывалась,

падала, заваливалась набок и все квакала своим отвратительным голосом. Наконец, она утомилась, улеглась у ног Диона и захрапела.

С Джоан случился обморок, влюбленный сын правителя пытался убить себя столовым ножом, его связали и увели. Все разошлись. На палубе остались Дион с Дионеллой-жабой у ног и седовласый правитель.

– Благородный юноша… – начал было правитель.

– Извините нас! – сказал Дион. – Пусть она поспит на воздухе, она задыхается там, в трюме.

Седой правитель помолчал.

– Царь-колдун очень стар, – снова заговорил он. – В последнее время он колдует редко, мало что помнит из черной магии, да и белую, говорят, забыл. Может смешать не те смеси, спутать заклинания, и что у него получится, он и сам не знает. Сейчас мало кто рискует обращаться к нему. Хочу вас предупредить: он коварен и глуп, на старости лет его любимое занятие – бессмысленные и жестокие казни.

– Буду надеяться на случай, – тихо сказал Дион.

– Я понимаю вас, но послушайтесь моего доброго совета! – с волнением заговорил седой повелитель. – Решительность – не жестокость. Бросьте несчастную в волны. Не раздумывайте. Сейчас же. Нельзя так мучить ее и себя. Вас полюбила моя дочь...

– Если вам дорога жизнь и ваши близкие, уходите! – с трудом сдержав гнев, ответил Дион. – И лучше всего вам всем не показываться на палубе до самого берега.

Над морем стояла светлая ночь. Парусник ходко шел навстречу волнам. Одинокая фигура Диона до утра оставалась на мостике. Дионелла-жаба храпела рядом, растянувшись на палубе.

Ранним утром корабль причалил к берегу.

Джоан и сын седовласого правителя на палубе так и не появились. Седой правитель и его жена, грустные и подавленные, смотрели вслед уходящему Диону, который под руку вел Дионеллу. Она шла нетвердой походкой, то и дело спотыкаясь и падая.

Дул сильный ветер, столбами поднимая песок.

Они прибыли на остров, где правил царь-кол-

дун. Надеясь найти у него секрет спасения Дионеллы от заклятия, юноша задумал во что бы то ни стало попасть во дворец.

Дион решил надежно спрятать Дионеллу далеко за городом. Она чрезвычайно страдала от выпитого накануне вина, не могла идти, все время падала, и юноше снова пришлось нести ее на руках.

– Ты слишком крепко обнимаешь меня, – говорила Дионелла заплетающимся языком. – За это царь-колдун казнит тебя.

Дион нашел тихое укромное место в зарослях, где протекал ручей, и уложил Дионеллу спать. Она лепетала что-то о том, что никогда не простит измены Диона с рыжей карлицей, и уснула. Дион отправился в город.

Над приземистым глиняным городом, огороженным высокой стеной и глубоким рвом, возвышался дворец царя-колдуна. Утверждали, что властелин острова умеет превращать своих врагов в пыль, и оттого над королевством часто проносятся пыльные бури. Как видно, такая буря только что кончилась – повсюду горели костры, стучали барабаны и слышались крики глашатаев:

– Наш великий из великих, мудрейший из мудрых превратил всех врагов в пыль, спас всех нас от смерти, грабежа и бесчестья! Несите несравненному повелителю подарки! – кричал тощий глашатай высоким голосом.

– Торопитесь, чтобы он не прогневался и не превратил всех вас в мышей и лягушек! – хриплым басом выкрикивал толстяк.

Дион огляделся и спросил у проходившего мимо старика:

– Если он умеет превращать людей в лягушек, значит, он и лягушек может превращать в людей?

– Верь, сын мой, всему, что говорится, да не забывай, что о многом и лгут, – ответил старик.

– Запомню, – улыбаясь, отве-

тил Дион. – А не знаете ли вы, добрый человек, как попасть во дворец?

– Не торопись умирать, юноша! – ответил старик и растаял в облаке пыли.

На площади Дион увидел толпу, собравшуюся у лобного места, где царь-колдун любил вершить казни. Дион пробрался поближе и стал внимательно наблюдать за происходящим. На голову приговоренного был надет мешок. В котле кипела смола. Палачи бросили несчастного в котел, взлетел столб пламени, и все кончилось.

Толпа быстро разошлась. Дион подошел к воротам дворца.

– Что тебе нужно, чужестранец? – спросил стражник.

– Я странствующий поэт и пришел к великому царю спеть гимн в честь его великих подвигов.

Диона провели в уютный дворик пред окном за золотыми решетками, дали лютню и приказали начать.

Дион запел.

Он пел старинную песню о подвигах, но смысл песни был в том, что любой подвиг совершается ради любви. Юноша всматривался в

темное окно. Ему мерещились танцующие девы и бледное лицо Дионеллы за золотыми решетками. Он не видел, как в кустах к нему подкрались стражники и неожиданно набросили ему на голову мешок.

Дион не сопротивлялся. Его подняли на руки и потащили чрез глубокий ров с быстрой рекой, по лестницам наверх, потом вниз, он услышал звон ключей и скрип отпираемых затворов. Наконец его бросили на холодный каменный пол, и Дион, ударившись головой, потерял сознание.

Когда юноша пришел в себя и смог оглядеться, то увидел высоко наверху узкое окно за толстыми решетками, в которое заглядывала луна.

Ночью Дионелла-жаба почувствовала сердцем, что с Дионом произошло несчастье, и отправилась спасать юношу. Долго прыгала она среди зарослей, пока не оказалась на дороге, ведущей в город.

Дорога под луной светилась, казалась бесконечной и пугала. Дионелла отдышалась и продолжила путь. Дороги в тех краях, как и у нас, очень извилисты. Говорят, человечество идет до-

рогой ослов, обходящих на своем пути каждый камень или яму, оттого дороги редко бывают прямыми и почти всегда петляют, как и пути нашей жизни, проложенные судьбой.

На одном из поворотов послышался тихий разговор и скрип колес. Дионелла-жаба отпрыгнула на обочину и затаилась. Мимо медленно проехала повозка и послышались голоса:

– Этого певца будут сжигать в кипящей смоле? – спросил молодой голос.

– Да, сынок, надо торопиться, а то не успеем разогреть смолу к назначенному часу.

Повозка скрылась в пыльном облаке, и Дионелла-жаба, обливаясь слезами, запрыгала дальше. Она делала большие прыжки, спотыкалась, падала и ударялась о дорожные камни. После каждого такого удара она некоторое время лежала, приходя в себя, и прыгала дальше.

Диона приговорили к казни.

Перед ним на каменном полу башни, где его заточили, был разложен ковер, уставленный яствами. Горой лежали фрукты, золотые кувшины хранили драгоценные вина, серебряные

пиалы были полны халвой и другими сладостями. Рядом лежала лютня. В серебряных подсвечниках горели свечи. А сам Дион был за руки подвешен к столбу.

– Ты пел прекрасно, – говорил Диону старый визирь. – Наш величайший из великих, мудрейший из мудрых плакал. Пойми, он не может позволить, чтобы кто-то, не столь разбирающийся в искусстве пения, слушал тебя и не в силах был бы оценить по достоинству. Тебя можно было бы заточить в башне, но ты молод и слишком долго будешь страдать. Поэтому утром тебя без задержки казнят. Возблагодари великого и приготовься к смерти. А это все, – он показал широким жестом на яства, – будет радовать твой глаз до утра.

– За что же меня казнить? Я не разбойник, не вор.

– Воров и разбойников мы отпускаем – иначе государственная казна оскудеет, в том-то и мудрость великого.

– Развяжи меня, я голоден, – сказал Дион.

– Что ты? Как можно? Перед казнью есть не полагается. Мудрейший из мудрейших считает, что казнь на сытый желудок слишком жестока. А чем

сильнее ты испытаешь муки голода, тем больше будешь рад смерти. Казнь назначена на утро – это совсем недолго, певец, и ты обретешь покой. Ты заслужил его.

Подвешенный за руки, Дион постепенно терял сознание и волю.

Дионелла-жаба торопилась изо всех сил.

Она очень устала и, услышав за спиной конский топот, уже не в силах была прыгнуть на обочину. Несколько ужасных мгновений провела она меж конских копыт, закрыв глаза и остановив дыхание. Но резвые кони, несущие веселых всадников, промчались, даже не задев ее. Конники с гиканьем унеслись

прочь, и Дионелла-жаба, переведя дух, запрыгала дальше.

Дорога вывела путешественницу к реке, которая текла через город. Дионелла-жаба увидела вдали дворец царя-колдуна и прыгнула в воду. Река принесла ее к крепостным стенам. Путешественница благополучно проплыла мимо городских ворот, миновала ночной базар и по каналу, проходившему под стенами дворца, проникла в дворцовый двор. Она вылезла на берег как раз напротив башни смерти, где томился Дион.

Неподалеку на берегу сидела девочка лет двенадцати, она плела из лилий венок и горько плакала.

– Ква-ква? – спросила Дионелла-жаба.

Девочка, не переставая плакать, ответила:

– Я младшая жена царя-колдуна… Это он научил меня понимать язык животных и птиц. Он говорит, что я мало люблю его и поэтому он не может колдовать.

Дионелла-жаба снова тихонько заквакала.

– Он заточен в башню смерти, – тихо ответила девочка. – А где ключи, я не знаю.

– Ква-ква-ква! – просила Диона.

Девочка не отвечала.

– Ква-ква! – заволновалась Диона.

– Не пойду! – всхлипывая, ответила девочка. – Он снова будет бить меня железной перчаткой… Он специально завел ее для меня.

– Положись на меня, – с трудом выговорила жаба человеческим голосом.

Царь-колдун был глубоким старцем и любил по ночам заниматься магией.

Все опыты он проводил на ближайших подданных и чаще всего на своем старом визире.

– Вот мазь вечной молодости, сделанная по древнеегипетскому рецепту, ты обмажешься ею, я прочту заклинания, и ты снова станешь молодым!

– О светлейший, могучий и мудрейший, я вполне доволен своим возрастом, он дал мне знания и опыт, – сказал визирь. – Если я стану молодым, вы прогоните меня и возьмете другого визиря.

– Ты прав, – ответил колдун, – я прогоню тебя. Зачем мне молодой и неопытный визирь. Зато я испробую на тебе зелье и потом без риска сам стану молодым. Мажься!

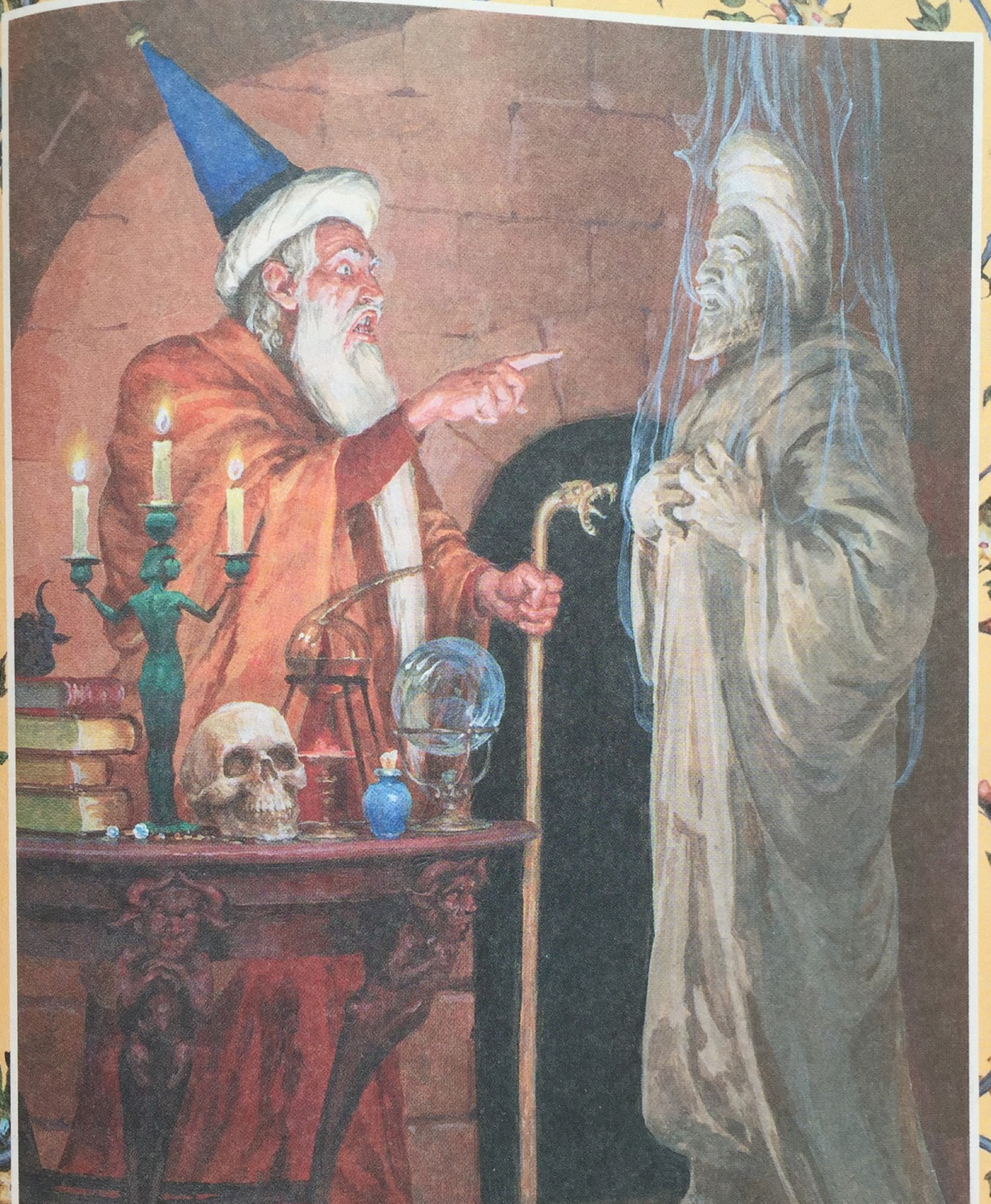
– В прошлый раз по вашему рецепту я месяц был молодым козлом, – говорил визирь, размазывая по телу мазь. – Кем я окажусь сегодня, мой повелитель?

– Ты сомневаешься в моем искусстве? – строго спросил колдун.

Вместо ответа визирь быстро закончил дело. Царь-колдун облил его из серебряного кувшина особой смесью, начал читать заклинания и вдруг остановился:

– Забыл... Иммио-ниммеа-тоннио... как там дальше?

Бедный визирь ничего не мог ответить – он начал дымиться, и как только пытался что-то сказать, изо рта у него валил дым и даже огонь.



Царь-колдун стал делать руками магические пассы.

Бедный визирь вспыхнул и медленно превратился в камень.

Подумав, колдун постучал по каменному визирю волшебной палочкой, и тот рассыпался, превратившись в горстку песка. Царь-колдун золотым совком ссыпал песок в большой кувшин и стал подливать в него разные смеси из разноцветных сосудов. Кувшин лопнул, развалился и из него вышел несчастный визирь, у которого сзади был пышный конский хвост. Визирь-полуконь явно помолодел, он хлестал себя хвостом по бедрам справа и слева, будто отгонял надоедливых мух. При этом он очень стеснялся,

потому что был совершенно голым, а вместо ступней у него были копыта.

– Одень мой старый халат, – недовольно сказал колдун. – Под ним никто не увидит твоего хвоста. Я вспомню это чертово заклинание, и мы попробуем еще раз.

– Я так испугался! – сказал визирь и неожиданно заржал, обнажив огромные лошадиные зубы. – Я сейчас вернусь, немного прихватило...

Хвостатый визирь торопливо накинул на себя халат и пошел прочь, звонко цокая по каменным плитам новенькими копытами и оставив на ковре несколько золотых яблок свежего конского навоза.

– На конюшню, мерзавец! - вслед ему завизжал царь-колдун. – В стойло!

Неслышно ступая по длинному сводчатому коридору, ведущему к царским покоям, младшая жена царя-колдуна бережно несла на руках Дионеллу-жабу. Мимо, стуча копытами и ничего не замечая вокруг, проскакал хвостатый визирь – халат на нем развевался, а сам он тихонько ржал.

Проводив глазами визиря, юная жена царя-колдуна с Дионеллой-жабой на руках юркнула

в царские покои и спряталась за одной из тяжелых занавесей, обрамлявших окно. Царь-колдун читал фолиант:

– Иммио-ниммеа-тоннио… емио! – прочитал он и повторил. – Емио!..

Собравшись с духом, Дионелла-жаба прыгнула и шлепнулась на каменный пол прямо перед колдуном.

– Это что за гадость? – тупо уставившись на нее, спросил царь-колдун.

– Это вовсе не гадость! Это ты так заколдовал меня, свою любимую младшую жену! – с обидой ответила жена царя-колдуна из-за занавеси.

Во время ее речи жаба-Дионелла открывала рот и было очень похоже, что это говорит она сама. Колдун не заметил обмана.

– А зачем я превратил тебя в жабу, не помнишь? – спросил он.

– Ты сказал, что я мало люблю тебя, и ты не можешь хорошо колдовать, – ответила жаба звонким голоском младшей жены.

– Правильно. Я это всегда говорю. Ты меня мало любишь, из-за этого приготовленный мной по египетскому рецепту эликсир молодости пре-

вратил моего визиря в полуконя. Оставайся жабой, я отдам тебя лекарям, они вскроют твои внутренности и будут смотреть, как бьется твое холодное сердце.

– Клянусь, что буду любить тебя больше, чем все твои жены! – Заплакали вместе юная жена колдуна и жаба-Дионелла. – Только расколдуй меня поскорей!

– Ты что, не понимаешь, несчастная тварь, что я не могу сегодня удачно колдовать! – застонал царь-колдун. – Какие-то хвосты, полукони, жабы! О, гнусные дети порока, я с вами забыл все заклинания!

– Так прочти, что написано в черной книжке, которая хранится у тебя под подушкой! – злым голосом прокричала юная жена из-за занавеси.

– Дура! Там все перепутано! – злобно зашипел колдун. – Я к каждой цифре приписал еще циферку, к каждому иероглифу еще один, к каждому магическому слову еще парочку, чтобы никто, кроме меня, не мог правильно прочитать заклинания, а теперь я и сам не знаю, что у меня фальшивое, а что настоящее!.. Забыл!..

– А ты вспомни, старый дурак!

– Постой!...

Колдун сделался белым, как смерть, и глаза его загорелись злобным огнем:

– Откуда ты знаешь про черную книгу? – обратился он к жабе-Дионелле. – Ты что, заглядывала в нее, подлая воровка?

Дионелла-жаба молча смотрела на колдуна. Младшая жена притаилась за занавесью и тоже молчала.

– Измена! – захрипел колдун. – Ты хочешь выведать мои магические тайны, околдовать, извести меня и завладеть троном?.. В куски изрублю!

Он сорвал со стены кривую саблю, взмахнул ею, но в это момент его младшая жена с криком выскочила из-за занавеси и повисла у него на руке.

– Спасибо тебе, о великий и добрый! Ты расколдовал меня! Видишь, как я тебя люблю, раз ты снова можешь колдовать! Ты рад? Рад, мой старичок?

Девочка стала обнимать старца, незаметно забрала у него саблю и сунула ее под кровать. В это время Дионелла-жаба успела скрыться за занавесями.

Вытаращив глаза, царь-колдун тупо смотрел на девочку и шевелил губами. Потом он притянул к себе ее голову, украшенную венком из белых лилий, понюхал цветы и заглянул ей в самые зрачки:

– Разве я колдовал? По-моему, я собирался изрубить тебя в куски...

– А волшебная сабля? Ты же сам всегда говоришь, о мудрейший, что все, к чему бы ты ни прикоснулся, становится волшебным! – весело рассмеялась девочка и начала танцевать.

– Раскрой занавеси на окнах! – заорал колдун.

– Ведь еще не взошло солнце! – танцуя, говорила девочка. – Разве ты разлюбил меня?

Царь-колдун проявил неожиданную прыть и сам стал открывать все занавеси подряд. Через окна в покои проник первый луч солнца и послышался легкий стон. Колдун тряс занавеси и рывком открывал их одни за другими – их явно давно не чистили и потому в царских покоях поднялась настоящая пыльная буря.

– Ничего не вижу! – орал царь-колдун.

Пыль стала оседать и перед царем-колдуном, как видение, возникла златокудрая Дионелла. Голова ее была украшена венком из лилий. Она смотрела на старого колдуна с легкой усмешкой.

Увидев неземную красоту девушки, колдун замотал головой, чтобы отогнать наваждение, но красавица не исчезала. Младшая жена царя в суматохе успела спрятаться, прикрыв оказавшуюся рядом жабу-Дионеллу своим венком. В клубах поднявшейся пыли юная жена не увидела, как жаба превратилась в прекрасную девушку. Теперь, пораженная ее красотой, девочка выглядывала из-за полога и смотрела на нее во все глаза, открыв рот и млея от восторга.

Колдун долго молчал, он был потрясен и растерян:

– Откуда ты явилась, о Луна, ставшая Солнцем? – наконец, спросил он неожиданно охрипшим голосом.

– Я все время была здесь, повелитель, – ответила Дионелла.

– Какой волшебный голос! – дрожа, восхитился царь-колдун. – Но ты ошиблась, о слепящий свет вселенной, я не повелитель, я твой раб!

Дионелла взглянула на старика и спросила:

– И ты воображаешь, что я могла бы полюбить раба?

– Раб может стать повелителем, и уж если придет к власти, то отдаст ее только вместе с жизнью. Но женщины чаще предпочитают повелителей, чтобы делать из них своих верных рабов. Ха-ха!

Колдун рассмеялся. Он смеялся все громче и стал хохотать так, что из глаз выступили слезы. Неожиданно колдун упал на колени и бросился целовать Дионелле ноги.

– Не смей, старик! – сказала Дионелла. – И запомни, в любви раб и повелитель – одно лицо!

Царь-колдун внимательно посмотрел на Дионеллу и его щеки вдруг нервно задергались. Он понюхал воздух, резким движением протянул руку за полог и за волосы вытащил оттуда свою юную жену:

– Не надо обманывать пожилых людей, даже если ты дочь самого Болотного царя и похищенной им египетской царевны, – тихо сказал старик.

Дионелла похолодела, но лицо ее оставалось спокойным.

– Видишь ли, о несравненная!.. Я не волшеб-

ник, я всего лишь колдун, – заговорил старец, все более воодушевляясь. – Волшебниками движет любовь и восхищение, колдунами ненависть и злоба. Я никогда не смог бы даже вообразить такое неземное совершенство, не то, что создать!..

Колдун стоял на коленях:

– Сколько лет я мечтал о тебе! Я знавал твою мать еще в Египте. Над тобой, говорили, тяготеет какое-то заклятие, не помню какое... Но это теперь неважно, о ниспосланная небом и адом! Ты сама явилась ко мне и это рука провидения... Стража!..

Покои мгновенно наполнились стражниками, появившимися со всех сторон: они выскакивали из потайных дверей в стенах, из люков в каменных полах, вылезали из-под царского ложа и спрыгивали откуда-то сверху. Стражники выстроилась кольцом и замерли, свирепо вращая глазами.

– Сегодня после казни, – торжественно объявил царь-колдун, – мы отпразднуем нашу свадьбу, и я стану самым счастливым человеком в поднебесье.

– Ура-аа! – грянула стража.

– Казни не будет, – твердо сказала Дионелла.

Она вырвала из рук колдуна плачущую младшую жену, спрятала ее за спину и властно протянула руку к старцу:

– Ключи от башни смерти!

Дионелла была полна гнева и презрения, она слегка побледнела, ее огромные глаза излучали свет. В гневе Дионелла была особенно прекрасной, и колдун, не скрывая восторга, любовался красавицей.

– Ключи, негодяй! – закричала Дионелла.

– Не надо кричать на старых колдунов, – мирно заговорил колдун, надевая на руку железную перчатку. – Это опасно... Можно ведь стать жабой не только на ночь, но и на всю жизнь.

– Замолчи, колдун! – задохнулась Дионелла. – Ты можешь снять с меня заклятие?

– Для этого ты должна стать моей женой, о чудо природы.

– Ты освободишь Диона?

– Для этого ты должна стать моей женой, о идеал совершенства.

– Но я... не хочу становится твоей женой, колдун!

Старец продолжал как ни в чем не бывало:

– Да будет тебе известно, о дитя справедливого гнева, что ключи от башни смерти всегда находятся у моего визиря, а он теперь на конюшне.

Визирь стоял в стойле и бил копытом. Рядом в таких же стойлах стояли скаковые лошади, махали головами и с хрустом жевали овес. У визиря вся борода была в овсе – он тоже хрустел, махал головой и икал. Серая в яблоках кобыла трогала его лицо нежными лошадиными губами.

В конюшню с шумом вошли стражники, следом царь-колдун, его юная жена и Дионелла.

– Поклонись моей невесте и дай ключи от башни смерти, ничтожный сын ехидны! – приказал царь-колдун.

Визирь открыл рот с лоша-

диными зубами, которые за это время выросли еще больше, и радостно заржал. После этого он уставился на красавицу, стал бить копытом и яростно хлестать хвостом свои тощие бедра.

– Не смей так смотреть на нее, нечестивец! – закричал царь-колдун и железной перчаткой ткнул визиря в зубы. Тот выплюнул пару зубов, стыдливо прикрылся халатом и зашепелявил:

– Шшушаю и повинуюшь, – сказал он и загремел ключами.

Дион все так же висел на цепях. Услышав скрип отворяющихся дверей, он попытался открыть глаза, но не смог.

– Пжошу, пожалушта – для кажни вше готово! – шепелявил визирь.

– Казни не будет! – снова сказала Дионелла и добавила. – Развяжите и отпустите его!

– Мы сделаем это, но после нашей свадьбы, моя несравненная, – жестко проговорил царь-колдун.

– Дионелла? – Дион открыл глаза.

– Я, – тихо ответила девушка и подошла к нему.

Дион увидел на ее голове венок.

– На тебе лилии... – он напряг память, словно вспоминая что-то забытое. – Надо что-то сделать с лилиями...

– Эй, певец, не надо шептаться с чужой невестой! – крикнул царь. – Казнь откладывается! Сегодня, счастливец, ты будешь петь на нашей свадьбе! Назначаю тебя свадебным певцом.

Визирь громко заржал.

Дион заметался:

– Коня! Коня!...

– Это не конь – это царский визирь, – объяснила Дионелла.

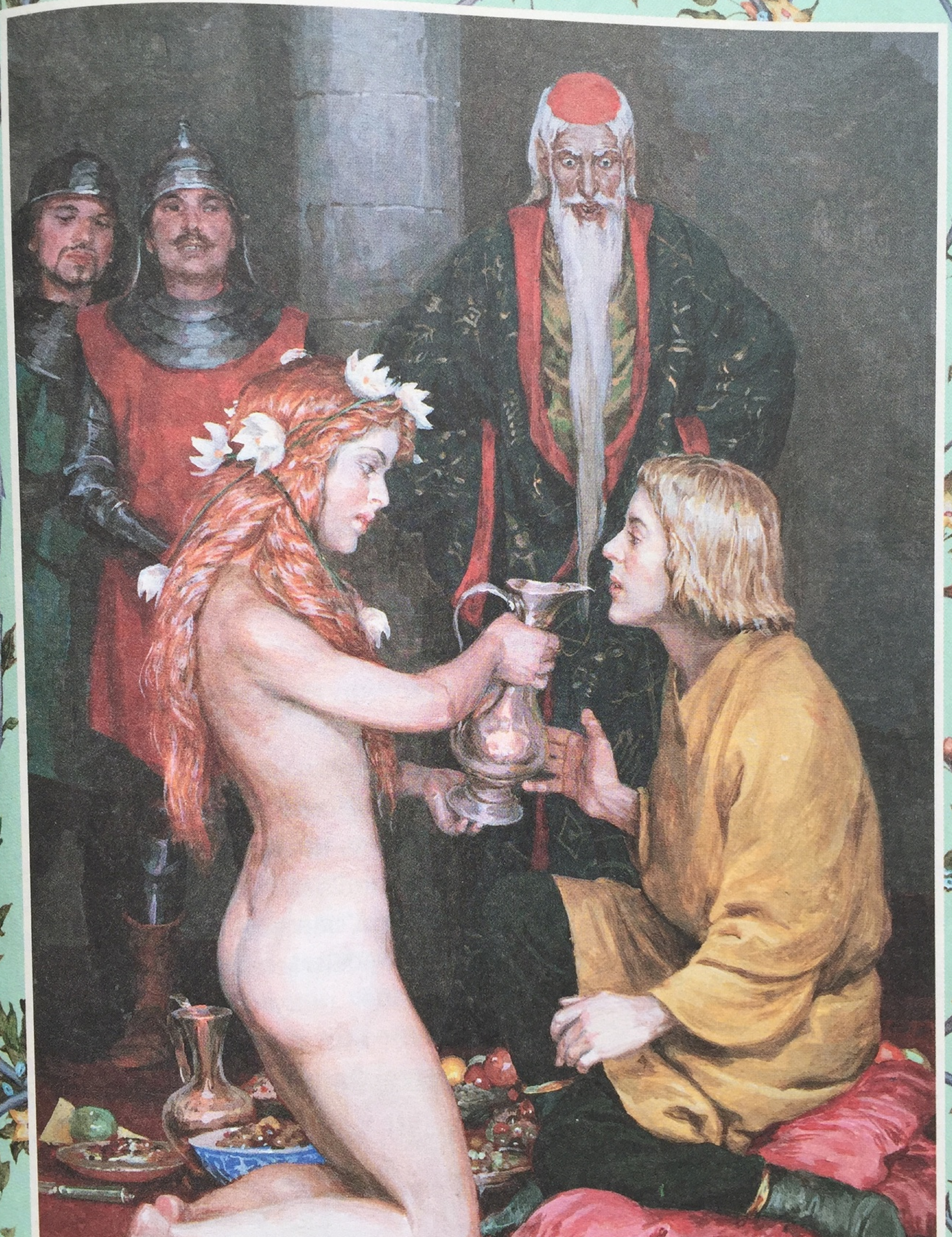
– Сон, – сказал Дион и закрыл глаза.

– Это не сон, – зашептала Дионелла, поднося к губам юноши кувшин с вином. – Мы у царя-колдуна, и он все обо мне знает. Это наш последний шанс. Да, развяжите же его!

– Стража! – скомандовал визирь. – Желание нашей невесты – закон!

Вокруг Диона все качалось и плыло: стражники снимали с него цепи, потом несли, сажали на подушки перед ковром, уставленным яствами.

– Ты его невеста? – спросил юноша.



– А вот это уже сон, – ответила девушка.

– А если не сон, что тогда? – поинтересовался колдун.

– Тогда я удавлю тебя в первую брачную ночь, – ответила Дионелла.

– Не успешь, – сказал Дион. – До брачной ночи ему не дожить!

Дион встал. Он был бледен.

– Стража! – крикнул царь-колдун.

Стражники бросились на Диона, скрутили ему руки и стали бить.

– Казнить всех! – визжал колдун. – Всех! И эту маленькую крысу, которая меня предала, тоже!.. А ты, болотная принцесса, завтра на коленях будешь проситься в мой гарем! И я еще подумаю, простить тебя или нет. Но этим пощады

не будет! Я завтра же… на твоих глазах четвертую их, зажарю живыми, сдеру с них кожу и сварю в кипящей смоле!

Стражники привязывали пленников к столбу, пинали их и ругались.

– Вспомнил! – закричал вдруг Дион. – Я вспомнил…

Силы заново вернулись к юноше, он разбросал стражников, схватил выпавшую из венка на пол лилию, оторвал ее стебель и подул в него. Протяжный нежный звук вылетел из цветка, тонким стоном заметался внутри гулкой каменной башни и улетел за окно в высокие дали. Когда стражники связали его, он был спокоен, словно не сомневался в помощи.

Тонкий нежный звук молнией пролетел над улицами, напугав людей и верблюдов, ударился в скалы, окружавшие город, с порывом ветра промчался над морем с кораблями и лодками, мигом пролетел поля, леса и стрелой упал в болото. С тревожными криками взлетели птицы, а из воды, покрытой тиной, высоко выпрыгнула огромная жаба и, описав дугу, плюхнулась на берег. Жаба

тяжело дышала, глаза вылезали из орбит, зоб пульсировал, а перепончатые лапы дрожали... Нежный звук затих. На болото упал туман. Ветер поднял его облаком в небо и погнал из дали в даль. Было тихо. И только одинокая птица звала кого-то голосом, полным печали...

Как говорят умные да ученые люди, наша земля и все, что нас окружает, на две трети состоит из воды. Вода кормит, вода поит, вода несет корабли да лодки, рушит, роет, моет, рождает энергию, дает жизнь и смерть. Малая капелька сильнее камня – капля камень точит. Сколько превращений несет в себе волшебница-вода! Дождь – вода, снег – вода, лед – вода, пар – вода, роса, иней, облако, туча – все вода. На свете есть еще много необъяснимого, но великая тайна воды по-настоящему никому не ведома. Как звук, вырвавшийся из стебля лилии помог явиться в башню Жабу, неизвестно – вода молчалива и не открывает своих секретов даже автору...

День подходил к концу.

Над городом висел туман, из которого призраком выступал дворец короля-колдуна.

В башне смерти к столбу были теперь прикованы трое – Дион, Дионелла и младшая жена царя-колдуна.

– Скоро зайдет солнце, – глядя на окно, с тревогой сказал Дион.

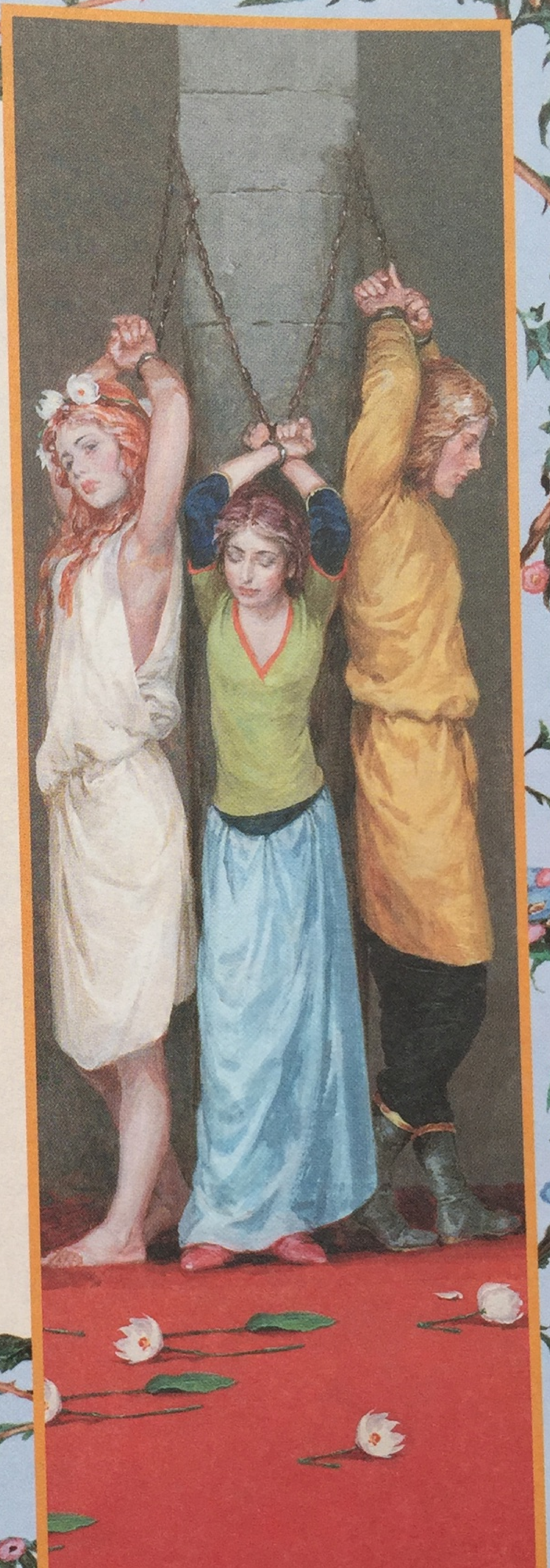
Ему никто не ответил. Было слышно, как бьют барабаны и кричат глашатаи:

– Слушайте и не говорите потом, что не слышали! Завтра большая казнь!

– Храбрейший из храбрейших, мудрейший из мудрых победил трех великанов и приговорил их к казни…

Барабаны били, не переставая.

На каменном полу, как и в прошлую ночь, на коврах были расставлены яства, вина и цветы. Среди этого пышного убранства странно выглядела



мрачная фигура палача, точившего в углу башни свои топоры. Топоров было много: от маленького до огромного.

– Зззи-инннь! Зззззи-инннь! – пел в тишине точильный камень.

– Ййиии! – скрипнула потайная дверь в стене.

Громко цокая копытами, в башне появился визирь. Он стал еще больше походить на лошадь, но явно помолодел и приободрился. Полуконь весело заржал и, потирая руки, спросил:

– Што вы тут жамышляете? Жаговор? Ижмена? Подкуп?

– Что, нет другого места точить топоры? – спросила Дионелла.

– Это шпешиально! Только для ваш! Мудрейший прикажал, штоб было поштрашнее, – зашепелявил визирь.

– А зачем столько топоров? – спросил Дион.

– Неижвешно, што может прийти в голову умнейшему из умнейших. Может, он решит одному отрубить голову, другую ижрубить на мяшо шобакам, третью шетвертовать. Тут инштрумент нужен ражный, – болтал визирь и, глядя на Дионеллу, бил копытом.

– Казни не будет! – сказала Дионелла.

– Вы только не бешпокойтесь, о, нешравненная, кажним кого-нибудь другого. Кажни отменять вредно – нашинается повальное воровштво.

Палач закончил свою работу и вышел, оставив поблескивать в углу груду остро отточенных топоров. Визирь-полуконь воровато оглянулся, приблизился к Дионелле и зашептал:

– О, моя прекрашная, нешравненная и шправедливая, хотите меня подкупить? Для меня предать царя будет за шчастье ... То кожлом хожу, то ошлом, то павианом, школько можно...

– И червяком! – напомнила жена царя. – Я ему яблоки носила, по три штуки в день. Он жил в них и их же ел.

– Про это могла бы не говорить, – обиделся визирь. – Подкупите меня, нешравненная. Я шражу продамшя, недорого...

– Пошел вон, ничтожество! – закричала Дионелла. – Это тебя надо четвертовать и изрубить на мясо собакам, продажная тварь!

Визирь в страхе попятился и собрался было уйти вслед за палачом, но из темноты, сбив его с ног, выпрыгнула громадная жаба. Следом хлы-

нула вода и башня заполнилась туманом. В эту же секунду погас последний луч солнца.

Жаба стала раздуваться, превратилась в огромный пузырь, который неожиданно лопнул, и все увидели огромного человека с наголо обритой головой. Глаза у него вылезали из орбит, вздувшийся, как шар, живот был подпоясан широким кожаным ремнем, над животом нависал большущий пульсирующий зоб, в котором тонуло бледное лицо, покрытое местами бурой слизью. В то же время знакомые нам превращения произошли с Дионеллой – к столбу в башне смерти была теперь прикована цепями огромная жаба.

Визирь охнул, копыта его подогнулись, и он сел прямо на пол, едва успев пристроить поудобнее хвост. Жаб подошел к Диону, со стоном рухнул перед ним на колени и зарыдал:

– О, мой благородный друг! О, милостивый господин! Поесть! Умираю от голода. Кусочек! Кусочек чего-нибудь! Глоточек!

– Это все твое, – показал Дион на ковер.

Жаб увидел ковер, уставленный яствами, и с радостным воплем бросился к еде. Он хватался за кувшины и пиалы, не зная, с чего начать.

– Ешь досыта! Нам надо одолеть царя-колдуна и заставить его расколдовать принцессу. Это трудно, но ты поможешь мне.

– Только не я! – ответил Жаб, запихивая в свой широкий рот огромный кусок халвы. – Когда я превращаюсь в человека, то становлюсь таким трусом, подлецом и предателем, каких земля не носила. Родных лягушат и жабу-маму предать могу!

– Ты ведь просил избавить тебя от заклятия, – напомнил Дион.

– Но я не обещал тебе помогать в этом, – возразил Жаб, уплетая за обе щеки инжир.

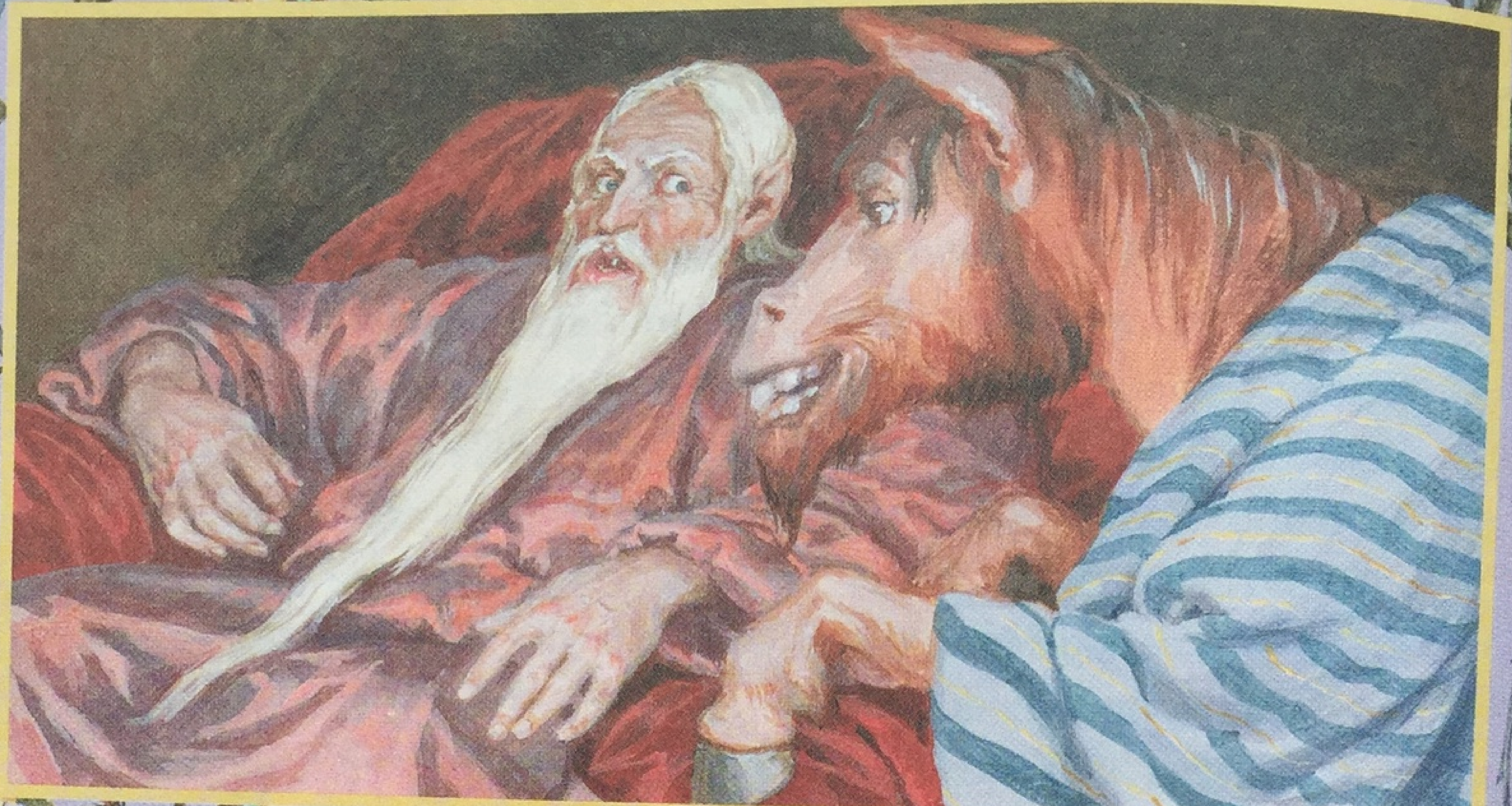
– От тебя много не потребуется, – сказал ему Дион и обратился к визирю:

– Ты кажется, хотел продаться?

Царь-колдун не первый час ворочался на большой постели без сна. Он привык, что какая-нибудь из жен расчесывала ему перед сном бороду жемчужным гребнем и не мог без этого заснуть. Но любимая младшая жена томилась в башне смерти, а остальные жены так надоели, что царь скорее расчесал бы себе бороду сам,

чем с их помощью. От нечего делать он прислушивался к доносившимся из глубин дворца звукам и придумывал для них такое происхождение, которое могло бы послужить поводом для какой-нибудь новой казни. Где-то стрекотал сверчок. Колдун понимал, что это сверчок и ничто иное, но убеждал себя, что это звук точила, на котором второй советник точит кинжал, чтобы совершить покушение.

– Завтра же велю колесовать его! – решил царь-колдун и так обрадовался этой мысли, что даже стал засыпать. Вдруг каменные коридоры огласились звонким торопливым цоканьем. Цо-



канье стремительно приближалось и с криком «Ижмена!» в покои ворвался визирь-полуконь. Вернее, конь-полувизирь, потому что конское начало еще больше возобладало в нем, и теперь он то и дело опускался на четвереньки, цокая об пол сросшимися в копыта пальцами.

– Ижмена, ваше велишештво! – прошепелявил конь-визирь и по-конски замотал головой, украсившейся шелковистой гривой. – Велите перенешти кажнь с завтрашнего дня на шегодня и кажните Диона немедленно!

– Ускорить казнь – дело доброе, – обрадовался царь. – А причина?

– Невешта ваша превратилась в жабу, а Дион предлагал мне шокровища, чтобы я помог им бежать. Я обещал ему самую мушительную кажнь, какую шмогу придумать, и брошился к вам.

– Верный визирь! – потрепал царь коня по холке. – Что же ты придумал?

Конь-визирь наклонился к царскому уху и зашептал. С каждым его словом лицо царя все ярче озарялось довольной улыбкой, а когда визирь закончил, царь просиял, залившись счастливым смехом.

– Ай да визирь! – воскликнул он. – Это куда забавней, чем колесовать второго советника, который к тому же чист как младенец! Готовь немедленно!

Ночной город зашумел, как разбуженный в неурочное время улей. Били барабаны. Горели факелы. Кричали хриплыми со сна голосами поднятые с постелей глашатаи:

– Вставайте горожане! Вставайте! Слушайте и не говорите, что не слышали! Большая казнь, назначенная на завтра, переносится на сегодня! Торопитесь на главную городскую площадь!

На главной площади на лобном месте громоздился огромный круглый помост, в центре которого стояла бурая от нескончаемых потоков крови плаха. Громадный палач в черном колпаке, сквозь узкие прорези которого едва поблескивали глаза, прохаживался возле топоров и по очереди брал в руку то один, то другой, выбирая, каким сподручнее отрубить несчастному Диону голову.

Рядом с плахой плотники ладили еще какое-то сооружение, в котором угадывались очертания большого шатра. Привычные к казням горожане недоуменно взирали на их работу, гадая, каким это новшеством решил разнообразить царь порядком надоевшее всем зрелище.

Стражники привели Диона, жену царя-колдуна и Дионеллу-жабу, которая тяжело плюхаясь брюхом на булыжники площади, покорно прыгала за стражником, волочившим ее на цепи. Диона вывели на помост и поставили на колени. Палач уложил его голову на плаху лицом к строящемуся шатру и привязал его руки ремнями к специальным колышкам.

На площади появился довольный царь в сопровождении радостно ржущего коня-визиря, в

облике которого совсем уже не осталось человеческого. Он грациозно переступал по площади стройными конскими копытами и лишь время от времени вставал на дыбы, словно вспоминая, как это было раньше – ходить на двух ногах.

Главный глашатай развернул свиток и под барабанную дробь стал читать царский приговор:

– Наш мудрейший и величайший правитель впал сегодня в неимоверную милость. Он повелевает даровать жизнь своей младшей жене и болотной принцессе Дионелле, которая через минуту пополнит его гарем и на правах супруги получит право расчесывать ему бороду жемчужным гребнем. Конечно, мудрейший не может оказать столько милостей, не

компенсировав их самой лютой казнью, на какую только способно воображение. И такая казнь ожидает сегодня чужестранца Диона, посмевшего под видом певца проникнуть в нашу страну, чтобы хитростью расколдовать принцессу Диэнеллу, в которую страстно влюблен. Посему величайший из великих...

– Хватит! – оборвал глашатая царь. – Не можете написать по простому, дайте я сам скажу, а то до утра рассусоливать будем.

– Итак, – обратился он к Диону, – ты в нее влюблен. Но она не может стать твоей женой, потому что каждую ночь превращается в жабу, так?

Дион молчал.

– И ты явился в мое царство, чтобы я расколдовал ее, – продолжал царь. – Я ее расколдую! Прямо перед тобой! Твоя любимая будет теперь красавицей всегда, даже ночью, но никогда не будет принадлежать тебе. Ты увидишь, как сбудется то, о чем ты мечтал, но лишь для того, чтобы в этом шатре расколдованная принцесса расчесала мне бороду жемчужным гребнем. Это будет последнее, что ты увидишь в жизни прежде, чем тебе отрубят голову.

Визирь голосисто заржал и поднялся на дыбы, забив в воздухе передними копытами. Он явно был горд собой.

– Она скорее умрет жабой! – крикнул Дион.

– Неужели ты откажешь мне в маленькой радости, если я избавлю тебя от заклятия? – обратился царь к Дионелле-жабе.

– Квак... – грустно квакнула жаба, и из ее больших выпученных глаз покатились крупные слезы. Стражник окатил ее водой из ведра, чтобы не сохла пупырчатая кожа, и потащил на цепи в только что законченный плотниками шатер, который царские швеи сноровисто убирали лучшей парчой, бархатом и батистом. Стены шатра были умышленно сделаны из прозрачной ткани, чтобы происходящее внутри можно было хорошо рассмотреть с любой точки площади.

– Чудовище! – закричал Дион. – Придумай для меня другую пытку! Четвертуй меня, вырви мое сердце, отрезай от моего тела куски, чтобы бросать их собакам, но только не это! Не заставляй меня смотреть, как сбывается мечта, которую мне не суждено осуществить!

– Видишь его истинную суть! – воскликнул

царь, обращаясь к Дионелле. – Если бы он любил тебя по-настоящему, то был бы счастлив твоему избавлению, пусть даже это стоило бы ему жизни. Но он хотел только обладать тобой, и этим сам обрек себя на лютые муки. Пожалуй, эта казнь даже справедлива...

– Будь добр, голубчик, добавь к моим многочисленным титулам звание справедливейший из справедливых! – попросил царь главного глашатая (когда ему случалось умиляться собой, он всегда называл своих подданных голубчиками, деточками и другими ласковыми словами).

– Только не это! – кричал Дион, силясь освободиться, но палач хорошо знал свое дело и привязал его на совесть.

– Однако приступим! – объявил царь и достал из кармана черную книгу с магическими заклинаниями. Дионелла-жаба глядела на него из шатра круглыми глазищами – казалось, судьба Диона совсем не беспокоит ее. Неверный свет факелов освещал многочисленную толпу. Царь никогда не колдовал прилюдно, и все стремились пробиться вперед, чтобы не упустить невиданное прежде зрелище. Даже серая в яблоках лошадь, поклонница

коня-визиря, оставила в стойле свой овес и явилась поглазеть, захватив с собой гнедую подружку. Пользуясь высокопоставленным знакомством, они пробились в первые ряды и стояли рядом с визирем, по очереди нашептывая ему в большие чуткие уши какие-то конские любезности.

– Заклятие Тонноремми̇о! – объявил царь, открыв свою книгу на нужной странице. – Люди превращаются в жаб, жабы превращаются в людей с последним лучом солнца. Чтобы снять, прочесть задом наперед.

Царь открыл было рот, чтобы начать чтение, но осекся...

– На этой странице я, кажется, и так все задом наперед писал... – бурчал он себе под нос. – Или писал, как надо, но вставлял в середину иероглифы... Будь что будет!

– Тонно-реммо, солло-эвво, вирра-нолло, галла-сэлла... – начал читать царь-колдун.

Красивые слова древнего заклинания заворожили толпу. Люди стояли не шелохнувшись, и благоговейную тишину нарушал только треск факелов.

– ...нерро-фиммо, канна-симми... – продолжал

царь. В воздухе перед ним возникло свечение, которое с каждым произнесенным словом уплотнялось и вскоре стало напоминать огненный шар.

– ...сэлла-лиммо, кэнно-ферра...

Свечение уплотнилось еще больше и стало похоже на повисшую в воздухе шаровую молнию. Яркий свет отражался в выпученных глазищах Дионеллы-жабы и в полных муки глазах связанного Диона.

– ...тимма-ламмо, форро-вбрмтлщгр!

Последнее слово было самым трудным в заклинании, и произносить его правильно умел только царь-колдун. Его подданные без труда могли бы повторить предшествовавшие слова и даже создать шаровую молнию, но малейшая ошибка в произнесении последнего слова стала

бы роковой – шаровая молния убила бы их на месте. Мудрость древних оградила тайные знания от непосвященных, и чтобы простым смертным не вздумалось превращать в лягушек неугодных соседей, колдовская наука была доступна лишь избранным.

Царь-колдун произнес последнее слово, и шаровая молния с громким свистом взлетела высоко вверх. Тысячи глаз зачарованно следили за ее полетом. Достигнув верхней точки, сияющий шар на мгновение замер, потом ринулся вниз и стремительной огненной стрелой ударил Дионеллу-жабу в самое сердце. Жаба вспыхнула, словно наполненный огнем прозрачный сосуд, погасла, и тут же ее кожа стала светлеть и растягиваться, превращаясь в большущий рыбий пузырь. Сквозь него просвечивал меняющий очертания скелет, который на глазах изумленной толпы обрастал плотью, принимая контуры женского тела. Толпа ахнула, и тут тишину нарушил громкий крик:

– Кусочек! Кусочек чего-нибудь!

Хотя крик доносился из самого центра площади, люди не сразу обратили на него внимание, потому что все взоры были прикованы к

происходившему в шатре чуду превращения. Но когда этот крик дополнился еще одним небывалым зрелищем, не обращать на него внимания стало невозможным, и взгляды людей разрывались теперь между тем, что свершалось в шатре, и тем, что творилось на помосте для казни.

Гигант-палач сорвал свой черный колпак, и все увидели странного человека, бледное лицо которого было покрыто бурой слизью и утопало в складках огромного пульсирующего зоба, тянувшегося к самому животу, подпоясанному широким кожаным ремнем.

– Кусочек, глоточек чего-нибудь! Всех предам за кусочек падали! – кричал Жаб-палач. – Ваше величество, визирь эту казнь подстроил, чтобы расколдовать принцессу, и с ними бежать! Я должен освободить Диона ... Кусочек, умоляю, кусочек чего-нибудь!

– Несчастный, ты же предаешь сам себя, – прошептал Дион.

– Я и себя могу предать, только бы дали кусо...

В этот момент пылающий шар прорвал рыбий пузырь, обнажив девичье тело Дионеллы, снова взмыл вверх и такой же огненной стрелой уда-

рил в сердце Жаба. Громадный человек осветился изнутри и стал съеживаться, превращаясь в большую бурую рептилию.

– Ненавижу быть челове-ква... – квакнул Жаб, и прежде чем его руки сжались в бессильные лягушачьи лапки, успел перерезать топором пленившие Диона ремни. В ту же секунду конь-визирь, серая кобыла в яблоках и ее гнедая подружка выскочили на середину площади.

– Шкорее-го-го! – заржал визирь, становясь на дыбы.

Остолбеневшие стражники не успели опомниться, а Дион, Дионелла и жена царя-колдуна уже сидели на конских спинах. Еще миг, и они понеслись прочь из города. Стражники кинулись

на конюшню, чтобы пуститься в погоню, но оказалось, что ведущая к конюшне улица перегорожена повозками. Царь-колдун прочел заклинание, чтобы наслать на беглецов ядовитый град, но перепутал слова, и на толпу посыпались непонятно откуда тухлые яйца и гнилые сливы. Боясь попасть взбешенному царю под руку, люди бросились бегом с площади. Возникла паника, и в суматохе никто не заметил, как большая жаба спрыгнула с помоста и спряталась под ведущими на него ступеньками.

Дион, Дионелла и младшая жена царя-колдуна гнали своих скакунов во весь опор. Серой в яблоках кобыле и ее гнедой подружке было не привыкать, а вот третий скакун еще вчера ходил на двух ногах и с непривычки еле дышал.

– Штойте! – С трудом переводя дух, проржал-прошепелявил конь-визирь, останавливаясь на развилке дорог. – Дальше нам не по пути. Идите налево череж джунгли к реке – оттуда прямая дорога в порт.

– А ты? – спросила его Дионелла.

– Чешно скашу, хотел я ваш царю выдать и

предать с потрохами ради шобштвенного удовольштвия, – ответил визирь. – Но штранное дело, шем больше штановилшя конем, тем больше хотел вам помочь. Да и самому ушкакать жахотелось. От кажней, от воровштва, да от предательства куда-нибудь в штепь, на волю! Денег нажил, што шундуков – не нужны штали...

– Ты так богат?! – удивилась сидевшая на спине визиря младшая жена царя.

– Я ж при казне́... – скромно ответил визирь.

Дион и Дионелла спешились. После недолгого прощания визирь и его подруги-лошади поскакали дальше по дороге отвозить в родительский дом жену царя-колдуна, а бежавший раб и расколдованная принцесса углубились в джунгли. Взявшись за руки, они продирались сквозь заросли, перепрыгивали через овраги, норовя свернуть себе в темноте шею, но ни разу не расцепили переплетенных пальцев. Дионелла смеялась, плакала, снова смеялась и все время повторяла:

– Моя первая человеческая ночь! Моя первая ночь!

Они вышли к реке. Полная луна отражалась в ее спокойных водах, шелестел камыш, и сама при-

рода, казалось, подталкивала наших героев сказать друг другу самое главное. По-прежнему держась за руки, Дион и Дионелла сели на большой камень.

– Первая. Первая ночь... – снова прошептала Дионелла.

– Жаб! – воскликнул вдруг Дион и поспешно достал из кармана стебель лилии.

Тонкий нежный звук пролетел сквозь джунгли, пронесся над городом и нырнул под ступеньки помоста на главной городской площади. Через несколько секунд неведомая тайна воды перенесла Жаба к реке.

– Спасибо, избавитель... – с усилием проговорил Жаб и с громким кваканьем нырнул в воду. Дион смял ненужный теперь стебель и бросил его в прибрежную тину.

Казалось, ничего не произошло, но Дионеллу вдруг что-то смутило. Какая-то мысль терзала ее. Она стала печальна и даже не смотрела на Диона.

– Ты победил, – устало сказала она после недолгого молчания. – Я всем обязана тебе, да и не все ли равно, чьей женой стать, верно? Только не надо говорить, что ты был бескорыстен. Ты добился своего, я всю жизнь буду на тебя смотреть снизу вверх, обязанная тебе всем и навсегда униженная. Униженных не любят – ими пользуются. Считай, что ты купил меня, как вещь. Что ж, пользуйся мной, как вещью – мне все равно. Только разреши напоследок искупаться.

Сбросив накидку, Дионелла скрылась в зарослях.

Она долго плавала и ныряла в спокойной речной воде, забиралась в камыши, снова ныряла и снова плавала, не торопясь выбираться на берег. Огромный рак неожиданно схватил ее клешней за руку. Отбиваясь от рака, Дионелла вынырнула и стала звать на помощь:

– Дион! Дион!

Дион не отзывался.

– Дион!

Дионелла отбросила рака и быстро поплыла к берегу.

– Дион! – позвала она и в голосе ее чувствовалось раздражение.

Ответом было молчание.

Дионелла выбралась на берег, стремглав помчалась через заросли и выбежала на поляну. На дереве висела ее накидка, пропущенная через кольцо с алмазом, которое Дионелла подарила юноше.

– И ты, несчастный, сможешь уйти от меня? – говорила она, обращаясь к зарослям и думая, что Дион слышит и видит ее. – Ты в силах отказаться от меня? Подлый раб, ты никогда не любил меня! Ты не можешь любить, потому что ты раб!

В ответ тишина.

– Подлец! – выдохнула Дионелла. – Он ушел! Она бежала через заросли:

– Дион! Вернись!.. Вернись!

Путь ей преградила черная пантера, оскалившаяся и готовая к прыжку.

– Прочь! – зарычала Дионелла и с такой яростью кинулась на пантеру, что та, поджав хвост,

вскочила на дерево, свалилась с него и долго убегала в испуге, высоко прыгая через траву.

– Клянусь этим небом и этой землей – я убью его! – крикнула Дионелла, и эхо разнесло по джунглям ее голос, ответом которому были крики перепуганных обезьян.

– Всех, кто свое ничтожное благородство ставит выше любви, – убивать!

Диковинные птицы наполнили заросли воинственным криком – они были согласны с Дионеллой.

– Всех, кто не умеет без остатка отдаться страсти – гордецов, умников, властолюбцев, благородных воздыхателей, – всех превращать в пыль!

В ответ истошно вопили обезьяны, прыгая с

ветки на ветку и раскачивая деревья; черная пантера, расположившись среди ветвей и изогнув дугой свое упругое тело, рвала когтями ствол дерева; на разные голоса орали диковинные птицы – все были согласны с девушкой.

– Клянусь, что не успокоюсь, пока не отомщу тебе, проклятый раб!

Море бушевало.

Волны с грохотом разбивались о камни. Пиратский корабль «Дионелла» уходил в плаванье. Ветер трепал черный флаг с черепом и скрещенными костями. Дионелла стояла на палубе перед королем пиратов, который влюбился в нее с первого взгляда. Пират был высок и строен, лицо его было изуродовано шрамами, взгляд черных глаз был страшен, хриплый голос пугал Дионеллу, но она смотрела на него независимо и даже свысока.

Выбираясь из джунглей, Дионелла заблудилась, выбилась из сил и уснула в какой-то пещере. Сюда поутру и явились пираты, чтобы пополнить свой клад очередной богатой добычей. Пираты хотели убить девушку, которая обнаружила их клад, но их предводитель не позволил этого:

– Или ты станешь моей женой, или я должен буду тебя убить, – хриплым голосом сказал король пиратов.

– Ты любишь меня? – спросила Дионелла, всматриваясь в его лицо.

– Я назвал свой корабль твоим именем, когда еще даже не встретил тебя, – ответил великан.

Дионелла задумалась и произнесла:

– Хорошо, я выйду за тебя замуж, если ты поможешь мне отомстить за смертельную обиду, нанесенную подлым рабом. Отвези меня в страну Тура – мой обидчик скорее всего там. Его ждет поединок, и я боюсь, что Тур убьет его раньше меня.

– Нам нельзя в страну Тура! – закричал пираты. – Там нас давно поджидает королевская стража! Нам никак нельзя туда!

– Трусы! – закричала Дионелла. – Если женщина не боится, то как можете бояться вы?

– Я назвал корабль твоим именем – повторил пират. – Это залог того, что исполню любую твою просьбу. Поднять паруса!

– Я постараюсь полюбить тебя. Дайте мне оружие – я хочу стать настоящей женой короля пиратов.

– Для того чтобы стать королевой пиратов, – сказал одноглазый боцман, за поясом которого в чеканных серебряных ножнах сверкал разноцветными каменьями дорогой кинжал, – одного оружия мало. Нужно знать пиратскую лоцию и навигацию.

Пираты захохотали и окружили боцмана и Дионеллу, а одноглазый продолжал:

– Что это за птица и что она предвещает?

Пират показывал рукой в небо и улыбался.

Дионелла взглянула на летящую птицу и спросила:

– Это чайка?

– Нет, это альбатрос.

– А что он предвещает? – спросила Дионелла.

– Большую потерю, – смеясь, ответил одноглазый пират и показал ей колечко с алмазом.

Дионелла посмотрела на мизинец – кольца на пальце не было.

– Отдай! – протянула руку Дионелла.

– Что? – одноглазый показал пустые руки. – У меня ничего нет. Ха-ха!

Кольцо исчезло. Пираты хохотали.

– Спасибо за науку, – вздохнула Дионелла и,

посмотрев в небо, добавила: – Только это не альбатрос, а все-таки чайка, видишь, какой у нее размах крыльев.

Пираты уставились в небо:

– Альбатрос! Это альбатрос! Девица редко бывала в море! Ха-ха!

– Правильно, – согласилась Дионелла. – Это альбатрос, и он действительно предвещает большую потерю!

Все посмотрели на девушку – в руках у нее был дорогой кинжал, только что красовавшийся на поясе одноглазого боцмана. Острие кинжала упиралось в шею одноглазому.

– Кольцо! Иначе я воткну его тебе в глотку по рукоять!

Под восторженный рев пиратов одноглазый достал из-за рукава кольцо и отдал его Дионелле.

– Слава королеве пиратов! – заорала команда.

Пиратское судно легко скользило по ночным волнам. Дионелла стояла на носу и всматривалась в темноту.

– Я убью тебя, проклятый раб! – шептала она.

Светало.

И тут раздался крик впередсмотрящего:

– Земля!

Все высыпали на палубу.

– Сменить флаги! – хрипло скомандовал капитан.

Скалистый берег страны Тура проступал из утренней дымки грозным видением. Волны чередой набегали на берег. На пристани никого не было...

Когда пиратское судно причалило к пристани и пираты осторожно сошли на берег, на них неожиданно напала береговая охрана. Вооруженные до зубов воины выскочили из-за бочек и в минуту окружили пиратов. Бой был короток. Король пиратов дрался отважно,

но, пронзенный копьем, упал на руки Дионелле и скончался, успев только сказать:

– Глупо умирать, когда любишь.

Дионелла была потрясена – она первый раз встретилась со смертью. Сухими глазами смотрела она на лицо короля пиратов, изувеченное шрамами, и ничего не замечала вокруг. Когда к ней подошли стражники и попытались связать ее, она вне себя закричала:

– Прочь! Я египетская принцесса! Меня похитил король пиратов. Я давала ему слово стать его женой, но теперь я свободна. Царь Тур ждет меня!

Услышав имя Тура, стражники со страхом и почтением поклонились красавице и оставили ее в покое.

Дионелла брела по лабиринту городских улочек и ничего не видела перед собой. Она впервые осталась одна и это пугало ее. Она понятия не имела, куда идти и где искать Диона. Наконец, ноги сами привели ее на многолюдный базар. Крики торговцев, рев ослов, бормотанье верблюдов и речь сотен людей, говоривших на разных языках, обрушился на Дионеллу. Но в какую бы сторону она ни глядела, она видела только жаровни, от которых шел дымок и неслись аппетитные запахи. Тут только Дионелла поняла, что очень голодна, и почувствовала, что у нее кружится голова. Навстречу ей двигались толпы. Дионелла внимательно присматривалась к каждому и заинтересовалась толстым купцом, разодетым в шелка. Девушка подошла к толстяку и обратилась к нему с самым невинным видом:

– Скажите, почтенный, что это там за птица кружится над мясными рядами?

Толстяк увидел прекрасное юное лицо и расплылся в улыбке.

– Это ворона, – ответил он. – Но если ты, дитя, интересуешься пернатыми, пойдем ко мне, и я покажу тебе райских птиц.

– И вправду ворона, – скромно ответила Дионелла и добавила: – Нет, я не интересуюсь пернатыми.

Дионелла исчезла в толпе, а толстяк долго еще причмокивал языком, глядя ей вслед. Он даже вспотел и засунул руку в широкий карман шелковых шальвар, чтобы достать платок, но вдруг покраснел, как рак, и стал шарить по карманам, дико озираясь по сторонам.

– Ограбили! – прошептал он.

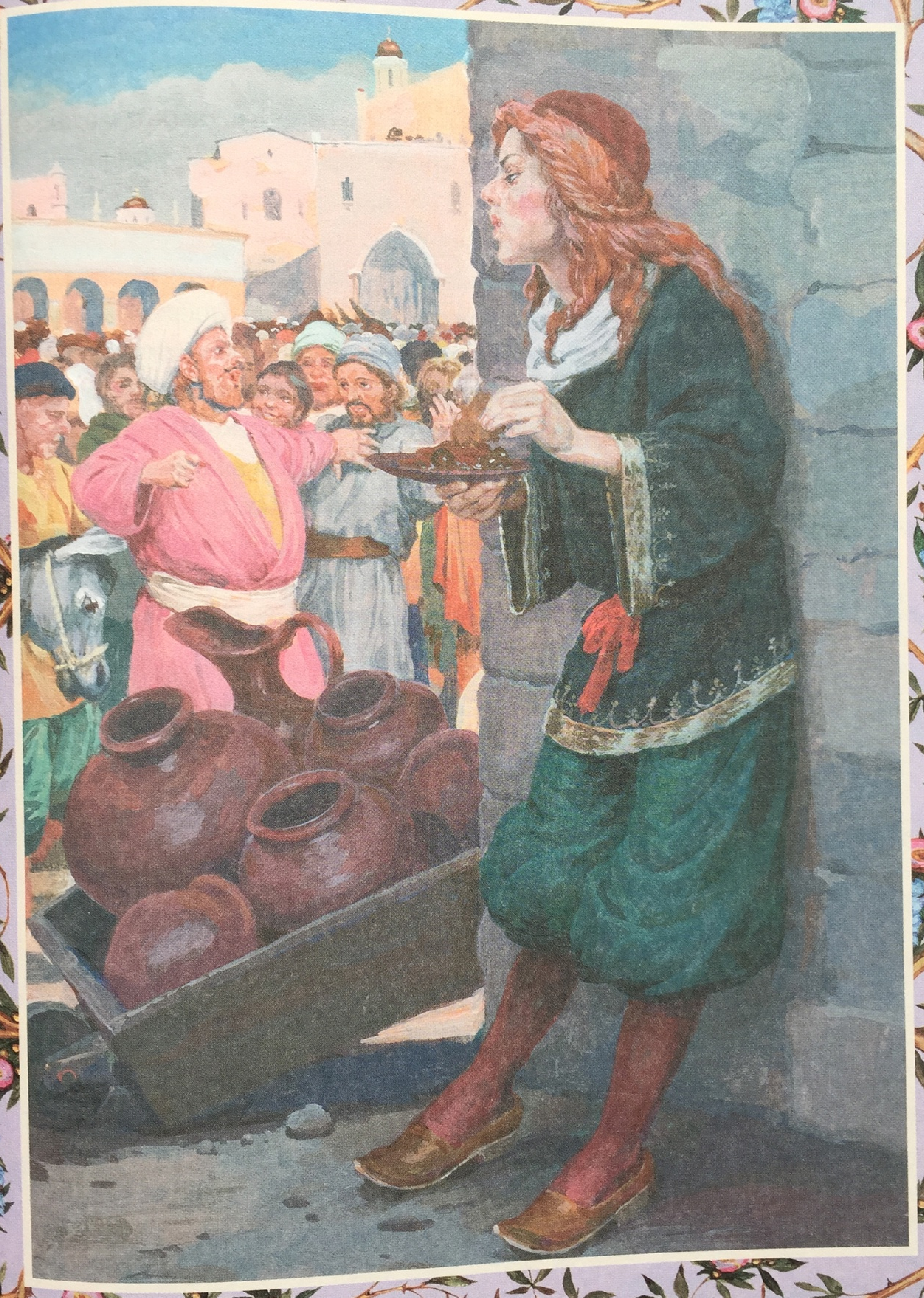
Толстый купец увидел стоявшего рядом погонщика мулов и вцепился в него:

– Это ты! Ты! Вор! Отдай мой кошелек, сын ехидны!

Собралась толпа. Погонщик выворачивал карманы и призывал бога в свидетели. Все кричали и махали руками. Началась потасовка…

Наблюдая за дракой, Дионелла ела дымящиеся куски мяса и от души смеялась. Она аккуратно вытерла хлебным мякишем с тарелки соус, отправила вкусную лепешку в рот и снова растворилась в толпе.

Старая ворона, тяжело махая крыльями, летела над базаром, унося добычу – в ее когтях



трепетала рыба. А со всех сторон, то там, то здесь, неслись истошные крики:

– Ограбили!

– Украли!

– Держи вора!

Перепуганные люди торопились поскорее покинуть базар, держась за карманы. Навстречу им спешили стражники. Дионелла вместе со всеми ахала и удивлялась. Как ни в чем не бывало она прошла мимо стражников и исчезла в кустах, растущих за базаром на берегу мутной реки.

Дионелла сидела одна, среди чахлых кустов на пустынном берегу. Перед ней поблескивала вну-

шительная горка золотых и серебряных монет. Дионелла сортировала их и укладывала в корзину. Потом она нарвала свежих цветов, покрыла ими свое богатство и заспешила обратно на базар, выкрикивая, как заправская цветочница:

– Цветы! Цветы! Кому свежие цветы?

Дионелла чувствовала себя на базаре, как рыба в воде. Она улыбалась прохожим и щедро давала милостыню.

– Спаси тебя Бог, красавица! – кричали ей вслед.

В шелковых рядах она вошла в лавку и вышла оттуда, завернутая в золотистое сари, которое подчеркивало ее прекрасную фигуру, обнажая местами молодое загоревшее тело. Все оглядывались на белокурую красавицу и провожали ее восхищенными взглядами.

Дионелла прошла в оружейные ряды, где со всех сторон слышался звон кузнечных молотов, а возле кузни продавались кривые, тонкие и широкие сабли, всевозможные кинжалы, украшенные драгоценными камнями, пики, луки со стрелами – чего тут только не было.

Дионелла в этих рядах была единственной женщиной, и мужчины с любопытством посма-

тривали на девушку в богатом сари и гадали, кто это такая и почему интересуется оружием.

Дионелла с горящими глазами рассматривала кинжалы и не могла выбрать тот единственный, который помог бы ей отомстить обидчику.

– Бери! Бери вот этот – дамасская сталь, ручка в драгоценных камнях! Из Индии!

– Дарю! Бери! – протягивал другой торговец кривую саблю.

– Дарю! – протягивал третий торговец длинный тонкий кинжал: – Этот красавец входит в грудь, как в масло!

У Дионеллы закружилась голова, и она пошла прочь.

Пара внимательных глаз наблюдала за Дионеллой – нищий бродяга неотступно следовал за золотистым сари. Дионелла почувствовала на себе взгляд и обернулась. Бродяга просительно тянул к ней руку и мычал. Он жестами показывал, что нем, голоден и несчастен. Дионелла порылась в корзинке и бросила немому золотой. Бродяга кинулся к ней в ноги и хотел поцеловать ступню. Дионелла отдернула ногу и замахнулась на него, но не ударила. Вокруг нее

вопила, ныла и орала толпа нищих: старики, дети, женщины с младенцами на руках, карлики, убогие. Дети совали грязные ладошки в рот, показывая, как они голодны. Старухи показывали язвы во рту и хватали Дионеллу за руки.

На глазах у Дионеллы выступили слезы.

– Пойдемте! – крикнула она.

Окруженная толпой орущих нищих Дионелла пила дешевое вино в грязной харчевне.

– Пейте! Пейте еще, сколько влезет! – крикнула она, бросая нищим горсть золотых монет. –Он

бросил меня! Одну! В лесу, где меня чуть не съела пантера! Обезьяны хотели разорвать меня, птицы летали надо мной и жаждали расклевать мое тело! Но я найду его! Найду и убью! Рука моя не дрогнет.

– Смерть ему! – вопили вокруг. – Смерть предателю!

– Я не стану его женой! Это беглый раб! Я выберу себе кого-нибудь из вас. Ну, кто будет счастливчиком?

– Я! Я! Я! – орали вокруг.

– Тогда сражайтесь! Бейте друг друга до смерти, за право быть моим мужем!

Завязалась неистовая драка. Дионелла с тоской и отвращением смотрела, как люди избивают друг друга. Она решила растоптать себя и хотела окунуться в грязь как можно глубже. Ей нужен был самый отвратительный подонок из толпы пьяного сброда, и расчет на драку оказался верным – в кровавом побоище нищих калек, убогих не только телом, но и душой побеждал не самый сильный, а самый подлый. Кто-то хватался за глаза, в которые была украдкой брошена соль; кто-то падал, получив удар ножом исподтишка. Не в силах смо-

треть на эту мерзость, Дионелла большими глотками пила кислое, но крепкое вино, и вскоре дерущаяся толпа слилась перед ее глазами в неразличимую круговерть.

– Пойдем со мной, красавица! Я победитель! – закричал какой-то отвратительный бродяга-горбун и, схватив Дионеллу за талию сильными корявыми руками, потащил ее в темную вонючую комнату...

...Утром Дионелла проснулась в утлой каморке. Запах пота, винного перегара и грязи душил ее. Она лежала на отвратительной засаленной постели, все так же одетая в золотистое сари. А вот корзины с деньгами не было.

– Он просто обокрал меня, этот горбатый ублюдок! – шептала Дионелла, пытаясь понять, что произошло. – Просто обокрал! Мной пренебрег даже вонючий бродяга!

Горбун действительно только обокрал ее. Ни ее неземная красота, ни молодость – ничто не привлекло бродягу, он предпочел ей деньги.

– Я больше не хочу быть женщиной – это слишком больно! – сказала Дионелла, но глаза ее оставались сухими.

Дионелле вновь пришлось заняться воровским промыслом на базаре. За день она с лихвой вернула похищенные горбатым бродягой деньги. В той же шелковой лавке она купила себе мужскую одежду и переоделась в молодого купца, наклеив себе усы и небольшую бородку.

– Я заставлю себя забыть, что я женщина, – твердо сказала она, выходя из лавки, и тут же лицом к лицу столкнулась с Дионом.

– Смотри, куда идешь, слепец! – злобно крикнула она.

– Простите, господин, – ответил Дион, – но я в самом деле ничего перед собой не вижу. Печаль и тоска который день застилают мои глаза.

– Что же тебя так печалит? – уже мягче спросила Дионелла, не выдавая себя.

Дион не узнал девушку. Немыслимый груз утраченной любви сокрушал его сердце, и он готов был открыться каждому, кто хотя бы намекнет, что готов его выслушать. Они сели в тени, и Дион подробно рассказал своему новому другу всю историю.

– Она не простит меня, а жить без нее нет ни сил, ни смысла, – закончил он. – Я выйду на сражение с Туром и дам ему убить себя.

Юный купец плакал, слушая Диона, и отговаривал его от поспешного решения.

– Жизнь прекрасна, – говорил он. – У меня есть юная рабыня, которую я подарю тебе. Ты полюбишь ее и забудешь свою возлюбленную.

– Я не хочу забывать ее!

– Брось, все забывают! Ты любишь темнокожих? Она понравится тебе! Никогда бы не отдал ее, но надо как-то излечить тебя от твоей печали.

– Это не поможет.

– Посмотрим. Ты придешь в мой шатер, и я приведу ее.

– Не надо.

– Хорошо, прогони ее, если она не придется тебе по вкусу. Вытолкни ее вон, если она не вы-

зовет в тебе желания, но спорим на трех моих лучших коней против твоего тощего кошелька, что ты не устоишь перед нею.

В сумерках Дион пришел в шатер, на который указал ему юный купец. Он не хотел темнокожей рабыни, но провести еще одну ночь наедине со своими горькими мыслями в ожидании скорейшей смерти от меча Тура было выше его сил.

– Поговори со мной, – попросил он купца, который ждал его.

– После, – коротко ответил купец и исчез в темноте.

Дион лег на постель. Свет луны узким лезвием освещал его глаза, полные слез.

Послышался шорох. В открытом пологе промелькнула фигура, и все стихло.

– Кто здесь? – спросил Дион.

– Я! – ответил шепот.

– Уйди!

В ответ послышался тихий смех. Женское тело прошло сквозь луч. Темная кожа девушки казалась лиловой, а огромные серьги сверкали в ее ушах, вспыхивая в свете луны серебристым

огнем. Едва различимая в лунном свете девушка легла рядом.

– Кто ты? – спросил Дион.

– Я стрела выпущенная из лука, чтоб пронзить твое сердце, мой господин. Я быстрая газель, обгоняющая ветер, и когда позовешь ты, ни одна женщина не обгонит меня. Я буду твоим вечным наслаждением и никогда не надоем, потому что неистощима моя страсть к тебе. Я училась любви у воды, которая не течет два раза по одному месту; у волны, что уходит, возвращаясь, и возвращается, чтобы уйти; у ветра, что вечно ласков и каждый миг покидает навек. Я училась любви у пальмы, стан которой крепок и гибок; у ночной пантеры, которая всегда голодна и готова

вонзить свои клыки в теплое тело; у рыбы, полной икры и идущей на нерест; я училась страсти у вулкана, готового излить расплавленную лаву из своего чрева; у нежного луча утреннего солнца; у тишины и зовущей дали.

Луна уходила за тучи, горели костры, гремели там-тамы. Извивались в ритуальном танце черные тела погонщиков. У костров грелись верблюды, полулежа на боку и глядя остановившимися глазами на огонь.

Над рекой вставало солнце. Дион проснулся в большом волнении. Черная рабыня исчезла. Он вышел из шатра и огляделся. Караван собирался в путь. Хлопотали погонщики, грузились товары. Дион нашел старшего погонщика и спросил его о молодом купце:

– Где мой юный друг?

Тот взглянул на юношу и неопределенно махнул рукой в сторону реки.

Дион побежал к реке.

От реки, умытая и свежая, вся в белых одеждах шла Дионелла – в ее ушах сверкали огромные серебряные серьги.

– Хорошо искупалась! – невозмутимо сказала Дионелла. – Вода как молоко молодой кобылицы!

Дион увидел серьги, в которых юная рабыня приходила к нему ночью, вспомнил вчерашнее пари и все понял.

– Что скажешь теперь? – спросила Дионелла, позванивая серьгами.

Дион не мог найти слов.

– Поторопись отдать мне свой тощий кошелек, ничтожный раб. Вот она – ваша любовь: пара ласковых слов – и все забыто.

– Скажи мне только одно – вчера ночью, когда ты говорила мне эти слова, ты лгала?

– Какое это имеет значение? Ты изменил мне! Мужчины – это ничтожество и грязь. Я вас ненавижу!

Не успел Дион и слова сказать в ответ, как загремели барабаны, послышались приветственные крики толпы и победный рев медных труб. С триумфальной победой возвращался с войны доблестный Тур. Он был одет в костюм воина и только тяжелая золотая цепь на нем говорила о его высоком положении.

– Слава великому Туру! – кричала толпа.

– Слава победителю! – кричали воины. – Слава! Слава! Слава!

Тур пригоршнями разбрасывал золотые монеты и устало смотрел по сторонам. Вдруг лицо его посуровело. Он властно вытянул руку и, что-то говоря, показал на Диона и Дионеллу, стоявших у берега. Конники Тура мгновенно окружили их. Через несколько секунд пленников, привязанных друг к другу спинами, уже везли в повозке по пыльной дороге.

Но Дионеллу волновало вовсе не это.

– Изменил, изменил, изменил! – твердила она. – Я стану женой Тура, и он убьет тебя!

– Развяжите их! – приказал подоспевший Тур.

Воины бросились исполнять приказание.

– Благородный Тур, этот подлый раб похитил меня, а потом изменил! Да, он изменил мне! – кричала Дионелла, освобождаясь от веревок. – Ты должен отомстить ему за все, если ты мужчина!

– Это правда? – спросил Тур.

Дион опустил голову.

– Ты достоин смерти.

Тур выпрыгнул из колесницы и подошел к пленникам. Он совладал со своим волнением и спросил:

– Согласна ли ты стать моей женой и хочешь ли ты этого? Пойми, я не стану тебя принуждать.

– Не хочешь ли ты сказать, что тебе все равно? – сверкнула глазами Дионелла.

– Вовсе не все равно! – ответил суровый Тур. – Я все это время думал только о тебе и я не изменял.

Дионелла растерялась:

– Тогда отвези меня сначала домой. Я не могу дать своего согласия без разрешения родителей. Но сначала отомсти за меня!

– Готовьте все для поединка, – сказал Тур своим воинам. – И дайте ему меч.

– Какой поединок? Убей изменника! – настаивала Дионелла.

– Поединок будет честным. Кто победит, станет твоим мужем.

– А если победит раб?

– Я дал слово.

Дионелла вдруг замолчала и с волнением стала наблюдать за происходящим.

Воины расступились. Слуги принесли два одинаковых меча. Тур для верности сам сравнил их и, убедившись, что условия поединка равные, бросил меч Диону.

Толпа замерла.

Тур поднял меч и бросился на Диона. В ту же секунду Дионелла сама как фурия налетела на Тура и повисла у него на руке, так что оба оказались на земле.

– Ты что, с ума сошел? – Дионелла вскочила на ноги. – Он не изменял мне! Я только сейчас поняла! Он не изменил, он просто не смог устоять передо мной! Иначе, даже не зная, что это я, он пренебрег бы мной! Ты понимаешь, что

тогда ему не было бы прощенья ни на том, ни на этом свете?!

Тур поднялся с земли.

– Ты любишь его? –спросил он.

– С первого дня! – задыхаясь и обливаясь слезами, отвечала Дионелла. – С первой минуты, с первой секунды, всю жизнь и даже до того, как родилась!

Звонили колокола, свадебная процессия двигалась к церкви.

Когда Дионелла вернулась домой, король с королевой были вне себя от счастья. Дионелла настояла на том, чтобы свадьба состоялась на другой же день, иначе она умрет. За ночь королева и Дионелла пошили роскошный свадебный наряд, который был ей весьма к лицу.

– Ничего, что Дион – раб? – осторожно спросила королева.

– Для любви раб и повелитель – одно лицо, тем более что завтра он станет принцем.

По дороге в церковь Дион не отрывал глаз от своей невесты, а она никак не могла успокоиться – плакала, всхлипывая как маленькая, и все спрашивала:

– Неужели он любит меня? Неужели после того, что он из-за меня вытерпел, меня можно любить? Нет, это он нарочно, назло, чтобы я всю жизнь чувствовала, что я дрянь. Но теперь это не важно! Я выхожу за него не из благодарности за то, что он освободил меня от заклятия, а за то, что он не устоял передо мной, как и я не устояла перед ним – вот и все!

Дионелла утирала слезы и всю дорогу в церковь тормошила родителей, заставляя их смотреть на Диона:

– Вы только посмотрите, посмотрите, как он хорош! – тихонько говорила Дионелла и не могла остановиться. – Какой красивый, смелый, а, главное, как любит меня, как верен мне, правда?! Но ведь, если он меня так любит, зна-

чит не такая уж я дрянь, да? Я тоже чего-то стою, верно? Но он, он, он!... Как он хорош! А я, если честно, такая жуткая дрянь, что если бы у меня была такая подруга, я бы придушила ее или откусила бы ей нос!

Высоко в небе показались аисты.

– Хорошая примета! – сказала королева. – В доме появится наследник.

– Не наследник, а наследница! – мстительно перебила счастливая Дионелла. – Дочь! Моя дочь!.. И берегитесь все! Все берегитесь!

Дионелла смеялась, и смех ее сливался со звоном колоколов. Закатное солнце разливало свет, а в небе летели аисты. Вот и все.

Так закончилась история дочери Болотного царя. На этом можно поставить точку и самим подумать, как сложилась судьба героев и что было дальше. Есть, правда, один человек, который знает, что было потом – это автор. Но даже он не в силах рассказать об этом, пока однажды снова не сумеет уловить тот едва ощутимый миг, когда ночь кончилась, а утро еще не наступило, и то, что может случиться только в

сказке, происходит на самом деле. Лишь в эти редкие мгновения автору открывается вся правда, и он может продолжить рассказ, не кривя душой и не поступаясь истиной. Одно известно точно: у Диона и Дионеллы действительно родилась дочь. Ее назвали Юни, она не уступала матери в красоте и очаровании, но характер у нее был таков, что... Впрочем, придет время, и автор, может быть, расскажет не менее увлекательную историю под названием «Юни – дочь Дионеллы».

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Б 95

Литературно-художественное издание
Для старшего школьного возраста

Ролан Антонович Быков
ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА
Сказочная повесть
Художник ***Д. Гордеев***

Дизайн обложки студии «Планета детства»

Книга издается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Борисова*
Художественный редактор *Н. Федорова*
Технический редактор *Е. Кудиярова*
Корректор *И. Мокина*
Компьютерная вёрстка *Н. Сушковой*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.03.2010. Формат 84x108/16
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Pragmatica
Усл. печ. л. 16,8. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 2423

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.60.953.Д.001683.02.10 от 05.02.2010 г.

ООО «Издательство Астрель». 129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ». 141100, РФ, Московская обл., г. Щёлково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Отпечатано с электронного носителя в ОАО «Первая Образцовая типография».
115054,Москва,Валовая,28

Быков, Р. А.
Б 95 Заколдованная принцесса [сказочная повесть] / Ролан Быков. – М.: АСТ: Астрель, 2010 – 158, [2] с.:ил.

Перед вами, уважаемый читатель, сказочная повесть, неопубликованная при жизни Ролана Антоновича Быкова, великолепного режиссера и актера. Оказывается он был еще и сказочником, и поэтом. Повесть публикуется впервые. Иллюстрации выполнены известным московским художником Денисом Гордеевым.
Адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-17-061373-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-271-24866-5 (ООО «Издательство Астрель»)

© Р.А. Быков, текст, наследники, 2009
© Д.Д. Гордеев, иллюстрации, 2009
© ООО «Издательство Астрель», 2009

6

3а

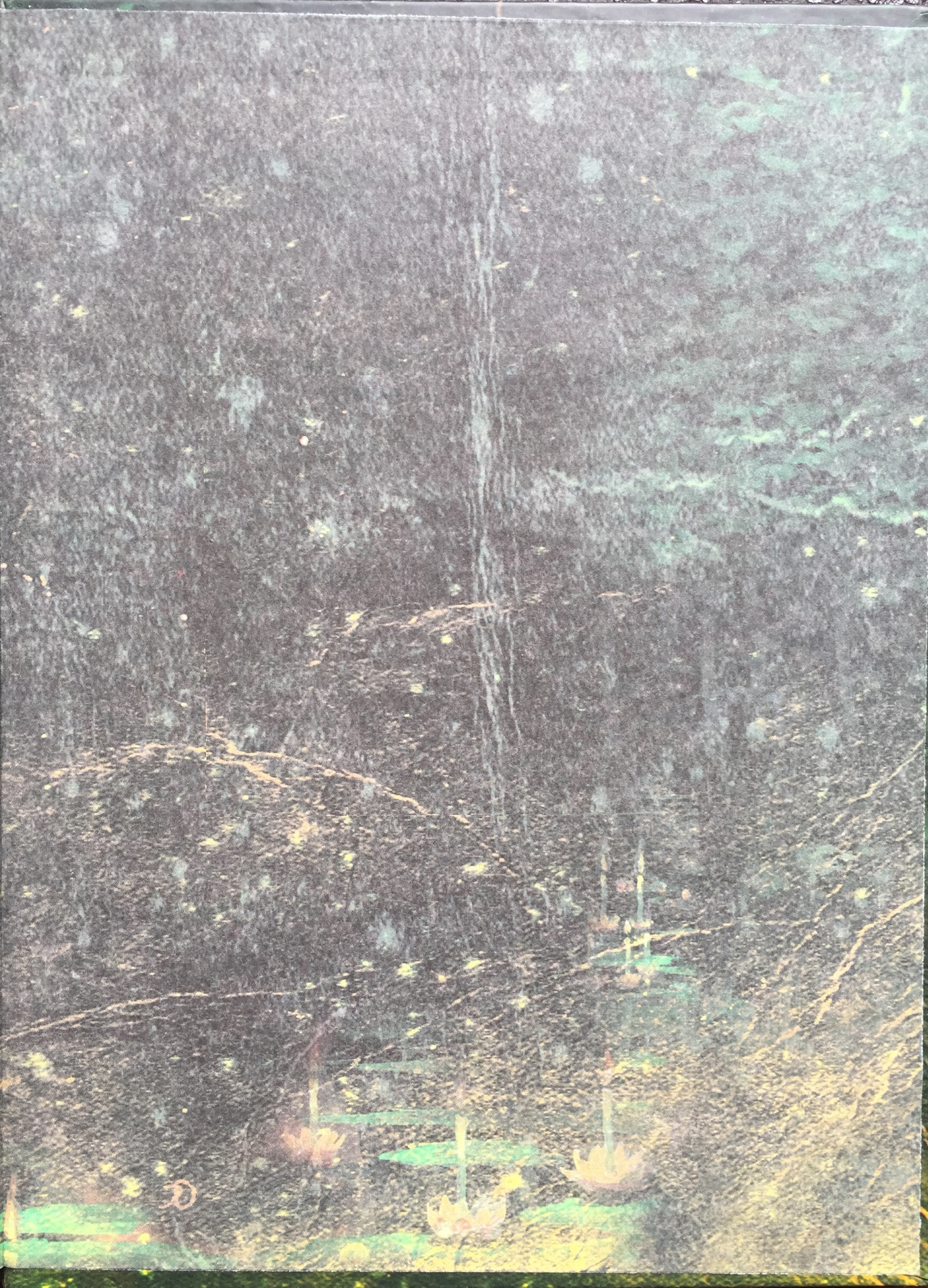
я, д. 96

ошюры

58, [2] с.:ил.

жизни Ро-
еще и ска-
звестным

1-34-053.2
=Рус)-44



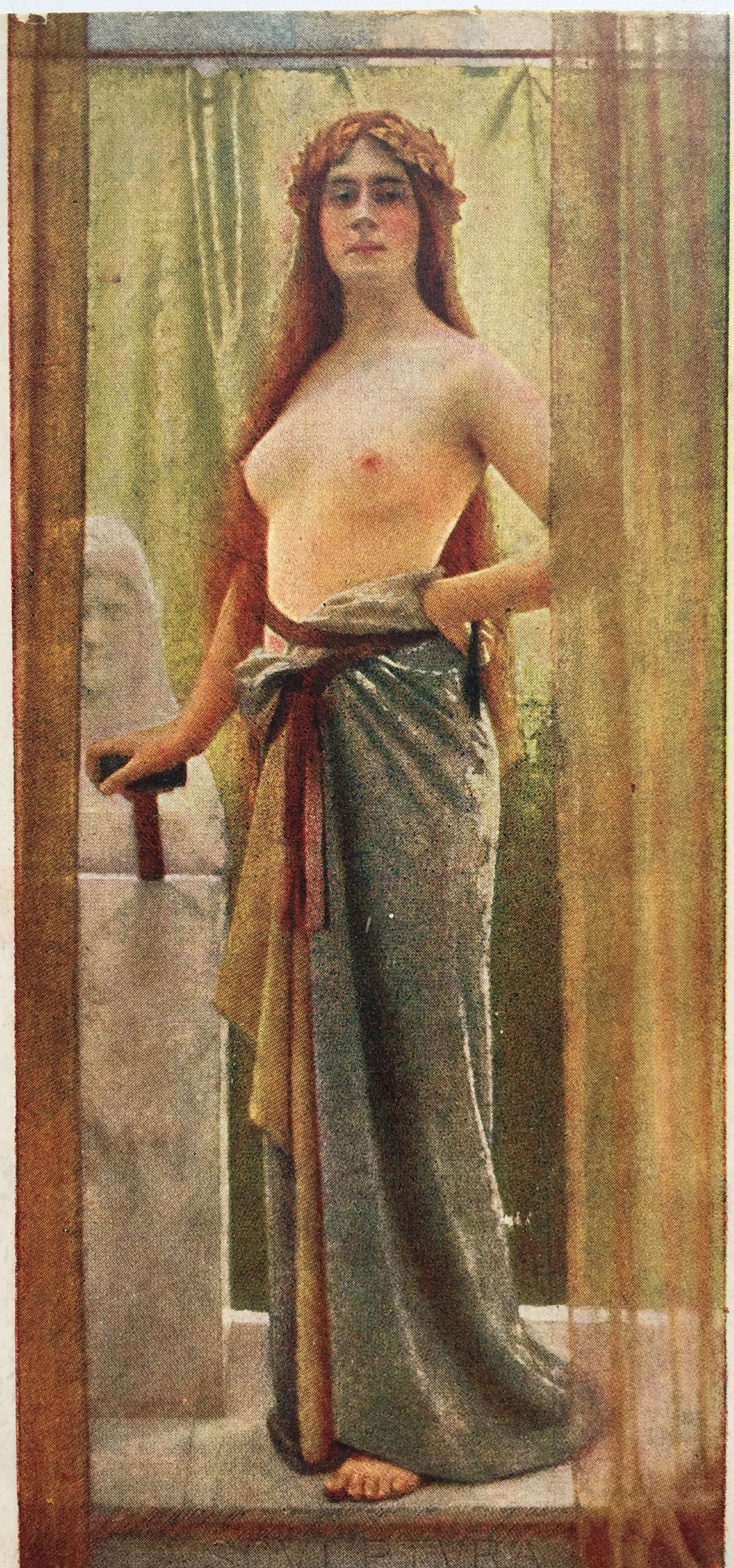
«ПЛАНЕТА ДЕТСТВА»

...Я стрела выпущенная из лука,
чтоб пронзить твое сердце.
Я быстрая газель, обгоняющая ветер,
и когда позовешь ты,
ни одна женщина не обгонит меня.
Я училась любви у воды,
которая не течет два раза по одному месту;
у волны, что уходит, возвращаясь,
и возвращается, чтобы уйти;
у ветра, что вечно ласков
и каждый миг покидает навек...

www.elkniga.ru
ISBN 978-5-17-061373-1
9 785170 613731

Ролан Быков

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА



ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО.

CARTE POSTALE.

Изданiе „Ришаръ". Петроградъ.
Edition „Richard". Pétrograde.
№ 1532.

15436893

М. Нонненбрухъ. Max Nonnenbruch.
Скульптура. Sculptura.

300-

Птг., дозв. военн. ценз., 7 сентября 1916 г. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Петроградъ

Moscow
Russia
Saint Petersburg
Nizhny Novgorod
Kazan
Yekaterinburg
Reber
Spezialitäten
Sochi
Mozart Kugeln
DIE ECHTEN REBER MOZART-KUGELN®
THE GENUINE REBER MOZART-KUGELN®

Э. Саади

А. Кошель